

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 16

НЕСКОЛЬКО СЛОВ
ПО ПОВОДУ КНИГИ
«ВОЙНА И МИР»

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание сочинений.
Том 16. Несколько слов по
поводу книги «Война и мир»
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6879652

Содержание

Лев Николаевич	4
Предисловие к электронному изданию	6
ОТ РЕДАКЦИИ	10
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ КНИГИ	11
«ВОЙНА И МИР»	
КОММЕНТАРИИ	27
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ	27
«ВОЙНЫ И МИРА»	
I	27
II	32
III	38
IV	42
V	87
VI	106
VII	128
Конец ознакомительного фрагмента.	148

**Лев Николаевич
Толстой
Полное собрание
сочинений. Том 16
Несколько слов по поводу
книги «Война и мир»**

Государственное издательство
художественной литературы
Москва – 1955

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы: [Государственный музей Л.Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания АBBYY](#)

Подготовлено на основе электронной копии 16-го тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

16

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Т. Н. ВОЛКОВОЙ и Н. С. РОДИОНОВА

КОММЕНТАРИИ

Э. Е. ЗАЙДЕНШНУР и Н. С. РОДИОНОВА

ОТ РЕДАКЦИИ

В томе 16 печатается статья Л. Н. Толстого «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», написанная в конце 1867-начале 1868 г. и впервые опубликованная в № 3 журнала «Русский архив» за 1868 г.

В томе помещены также все комментарии к «Войне и миру» (томы 9—16): статья «История писания и печатания», «Описание рукописей», аннотированный указатель собственных имен, встречающихся в томах 13—16.

В комментариях приняты следующие сокращения:

ГМТ – Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).

ЛБ – Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

«Литературное наследство», № 35-36 – «Литературное наследство», № 35-36, «Л. Н. Толстой», I, изд. Академии наук СССР, М. 1939.

ЯП – Ясная Поляна.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ КНИГИ «ВОЙНА И МИР»

Печатаю сочинение, на которое положено мною пять лет непрерывного и исключительного труда, при наилучших условиях жизни, мне хотелось в предисловии к этому сочинению изложить мой взгляд на него и тем предупредить те недоумения, которые могут возникнуть в читателях. Мне хотелось, чтобы читатели не видели и не искали в моей книге того, чего я не хотел или не умел выразить, и обратили бы внимание на то именно, что я хотел выразить, но на чем (по условиям произведения) не считал удобным останавливаться. Ни время, ни мое умение не позволили мне сделать вполне того, что я был намерен, и я пользуюсь гостеприимством специального журнала для того, чтобы хотя неполно и кратко, для тех читателей, которых это может интересовать, изложить взгляд автора на свое произведение.

1) Что такое Война и Мир? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. Война и Мир есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров.

История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от Мертвых Душ Гоголя и до Мертвого Дома Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести.

2) Характер времени, как мне выражали некоторые читатели при появлении в печати первой части, недостаточно определен в моем сочинении. На этот упрек я имею возразить следующее. Я знаю, в чем состоит тот характер времени, которого не находят в моем романе, — это ужасы крепостного права, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п.; и этот характер того времени, который живет в нашем представлении, — я не считаю верным и не желал выразить. Изучая письма, дневники, предания, я не находил всех ужасов этого буйства в большей степени, чем нахожу их теперь или когда-либо. В те времена так же любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями; та же была сложная умственно-нравственная жизнь, даже иногда более утонченная, чем теперь, в высшем сословии. Если в понятии нашем составилось мнение о характере своевольства и грубой силы того времени, то только оттого, что в преданиях, записках, повестях и романах до нас доходили только выступающие случаи насилия и буйства. Заклю-

чать о том, что преобладающий характер того времени было буйство, так же несправедливо, как несправедливо заключил бы человек, из-за горы видящий одни макушки дерев, что в местности этой ничего нет, кроме деревьев. Есть характер того времени (как и характер каждой эпохи), вытекающий из большей отчужденности высшего круга от других сословий, из царствовавшей философии, из особенностей воспитания, из привычки употреблять французский язык и т. п. И этот характер я старался, сколько умел, выразить.

3) Употребление французского языка в русском сочинении. Для чего в моем сочинении говорят не только русские, но и французы частью по-русски, частью по-французски? Упрек в том, что лица говорят и пишут по-французски в русской книге, подобен тому упреку, который бы сделал человек, глядя на картину и заметив в ней черные пятна (тени), которых нет в действительности. Живописец не повинен в том, что некоторым – тень, сделанная им на лице картины, представляется черным пятном, которого не бывает в действительности; но живописец повинен только в том, ежели тени эти положены неверно и грубо. Занимаясь эпохой начала нынешнего века, изображая лица русские известного общества, и Наполеона, и французов, имевших такое прямое участие в жизни того времени, я невольно увлекся формой выражения того французского склада мысли больше, чем это было нужно. И потому, не отрицая того, что положенные мною тени, вероятно, неверны и грубы, я желал бы только,

чтобы те, которым покажется очень смешно, как Наполеон говорит то по-русски, то по-французски, знали бы, что это им кажется только оттого, что они, как человек, смотрящий на портрет, видят не лицо с светом и тенями, а черное пятно под носом.

4) Имена действующих лиц: Болконский, Друбецкой, Библибин, Курагин и др. напоминают известные русские имена. Сопоставляя действующие не исторические лица с другими историческими лицами, я чувствовал неловкость для уха заставлять говорить графа Растопчина с кн. Пронским, с Стрельским или с какими-нибудь другими князьями или графами вымышленной, двойной или одинокой фамилии. Болконский или Друбецкой, хотя не суть ни Волконский, ни Трубецкой, звучат чем-то знакомым и естественным в русском аристократическом кругу. Я не умел придумать для всех лиц имен, которые мне показались бы не фальшивыми для уха, как Безухов и Ростов, и не умел обойти эту трудность иначе, как взяв наудачу самые знакомые русскому уху фамилии и переменив в них некоторые буквы. Я бы очень сожалел, ежели бы сходство вымышленных имен с действительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотел описать то или другое действительное лицо; в особенности потому, что та литературная деятельность, которая состоит в описывании действительно существующих или существовавших лиц, не имеет ничего общего с тою, которою я занимался.

М. Д. Афросимова и Денисов – вот исключительно лица,

которым невольно и необдуманно я дал имена, близко подходящие к двум особенно характерным и милым действительным лицам тогдашнего общества. Это была моя ошибка, вытекшая из особенной характерности этих двух лиц, но ошибка моя в этом отношении ограничилась одною постановкою этих двух лиц; и читатели, вероятно, согласятся, что ничего похожего с действительностью не происходило с этими лицами. Все же остальные лица совершенно вымышленные и не имеют даже для меня определенных первообразов в предании или действительности.

5) Разногласие мое в описании исторических событий с рассказами историков. Оно не случайное, а неизбежное. Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета. Как историк будет неправ, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни, так и художник не исполнит своего дела, представляя лицо всегда в его значении историческом. Кутузов не всегда с зрительной трубкой, указывая на врагов, ехал на белой лошади. Растопчин не всегда с факелом зажигал Воронцовский дом (он даже никогда этого не делал), и императрица Мария Феодоровна не всегда стояла в горностаевой мантии, опершись рукой на свод законов; а такими их представляет себе народное воображение.

Для историка, в смысле содействия, оказанного лицом какой-нибудь одной цели, есть герои; для художника, в смысле

соответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди.

Историк обязан иногда, пригибая истину, подводить все действия исторического лица под одну идею, которую он вложил в это лицо. Художник, напротив, в самой одиночности этой идеи видит несообразность с своей задачей и старается только понять и показать не известного деятеля, а человека.

В описании самих событий различие еще резче и существеннее.

Историк имеет дело до результатов события, художник — до самого факта события. Историк, описывая сражение, говорит: левый фланг такого-то войска был двинут против деревни такой-то, сбил неприятеля, но принужден был отступить; тогда пущенная в атаку кавалерия опрокинула... и т. д. Историк не может говорить иначе. А между тем для художника слова эти не имеют никакого смысла и даже не затрагивают самого события. Художник, из своей ли опытности или по письмам, запискам и рассказам, выводит свое представление о совершившемся событии, и весьма часто (в примере сражения) вывод о деятельности таких-то и таких-то войск, который позволяет себе делать историк, оказывается противоположным выводу художника. Различие добытых результатов объясняется и теми источниками, из которых и тот и другой черпают свои сведения. Для историка (продолжаем пример сражения) главный источник есть донесения

частных начальников и главнокомандующего. Художник из таких источников ничего почерпнуть не может, они для него ничего не говорят, ничего не объясняют. Мало того, художник отворачивается от них, находя в них необходимую ложь. Нечего говорить уже о том, что при каждом сражении оба неприятеля почти всегда описывают сражение совершенно противоположно один другому; в каждом описании сражения есть необходимость лжи, вытекающая из потребности в нескольких словах описывать действия тысячей людей, раскинутых на нескольких верстах, находящихся в самом сильном нравственном раздражении под влиянием страха, позора и смерти.

В описаниях сражений пишется обыкновенно, что такие-то войска были направлены в атаку на такой-то пункт и потом велено отступать и т. д., как бы предполагая, что та самая дисциплина, которая покоряет десятки тысяч людей воле одного на плацу, будет иметь то же действие там, где идет дело жизни и смерти. Всякий, кто был на войне, знает, насколько это несправедливо;¹ а между тем на этом предположении основаны реляции, и на них военные описания. Объездите все войска тотчас после сражения, даже на дру-

¹ После напечатания моей первой части и описания Шенграбенского сражения мне были переданы слова Николая Николаевича Муравьева-Карского об этом описании сражения, слова, подтвердившие мне мое убеждение. Ник. Ник. Муравьев, главнокомандующий, отзывался, что он никогда не читал более верного описания сражения и что он своим опытом убедился в том, как невозможно исполнение распоряжений главнокомандующего во время сражения.

гой, третий день, до тех пор, пока не написаны реляции, и спрашивайте у всех солдат, у старших и низших начальников о том, как было дело; вам будут рассказывать то, что испытали и видели все эти люди, и в вас образуется величественное, сложное, до бесконечности разнообразное и тяжелое, неясное впечатление; и ни от кого, еще менее от главнокомандующего, вы не узнаете, как было всё дело. Но через два-три дня начинают подавать реляции, говоруны начинают рассказывать, как было то, чего они не видали; наконец, составляется общее донесение, и по этому донесению составляется общее мнение армии. Каждому облегчительно променять свои сомнения и вопросы на это лживое, но ясное и всегда лестное представление. Через месяц и два расспрашивайте человека, участвовавшего в сражении, — уж вы не почувствуете в его рассказе того сырого жизненного материала, который был прежде, а он рассказывает по реляции. Так рассказывали мне про Бородинское сражение многие живые, умные участники этого дела. Все рассказывали одно и то же, и все по неверному описанию Михайловского-Данилевского, по Глинке и др.; даже подробности, которые рассказывали они, несмотря на то, что рассказчики находились на расстоянии нескольких верст друг от друга, одни и те же.

После потери Севастополя начальник артиллерии Крыжановский прислал мне донесения артиллерийских офицеров со всех бастионов и просил, чтобы я составил из этих более чем 20-ти донесений — одно. Я жалею, что не списал этих

донесений. Это был лучший образец той наивной, необходимой, военной лжи, из которой составляются описания. Я полагаю, что многие из тех товарищей моих, которые составляли тогда эти донесения, прочтя эти строки, посмеются воспоминанию о том, как они, по приказанию начальства, писали то, чего не могли знать. Все испытавшие войну знают, как способны русские делать свое дело на войне и как мало способны к тому, чтобы его описывать с необходимой в этом деле хвастливой ложью. Все знают, что в наших армиях должность эту, составления реляций и донесений, исполняют большей частью наши инородцы.

Всё это я говорю к тому, чтобы показать неизбежность лжи в военных описаниях, служащих материалом для военных историков, и потому показать неизбежность частых несогласий художника с историком в понимании исторических событий. Но, кроме неизбежности неправды изложения исторических событий, у историков той эпохи, которая занимала меня, я встречал (вероятно, вследствие привычки группировать события, выражать их кратко и соображаться с трагическим тоном событий) особенный склад выспренней речи, в которой часто ложь и извращение переходят не только на события, но и на понимание значения события. Часто, изучая два главные исторические произведения этой эпохи, Тьера и Михайловского-Данилевского, я приходил в недоумение, каким образом могли быть печатаемы и читаемы эти книги. Не говоря уже об изложении одних и тех же событий

самым серьезным, значительным тоном, с ссылками на материалы и диаметрально-противуположно один другому, я встречал в этих историках такие описания, что не знаешь, смеяться ли или плакать, когда вспомнишь, что обе эти книги единственные памятники той эпохи и имеют миллионы читателей. Приведу только один пример из книги знаменитого историка Тьера. Рассказав, как Наполеон привез с собой фальшивых ассигнаций, он говорит: «*Relevant l'emploi de ces moyens par un acte de bienfaisance digne de lui et de l'armée française, il fit distribuer de secours aux incendiés. Mais les vivres étant trop précieux pour être donnés longtemps à des étrangers, la plupart ennemis, Napoléon aima mieux leur fournir de l'argent, et il leur fit distribuer de roubles papier*». ²

Это место поражает отдельно своей оглушающей, нельзя сказать безнравственностью, но просто бессмысленностью; но во всей книге оно не поражает, так как вполне соответствует общему выпретенному, торжественному и не имеющему никакого прямого смысла тону речи.

Итак, задача художника и историка совершенно различна, и разногласие с историком в описании событий и лиц в моей книге – не должно поражать читателя.

² Возмещая употребление этих средств делом благотворительности, *достойным его и французской армии*, он приказал оказывать пособие погоревшим. Но так как съестные припасы были слишком дороги и не представлялось долее возможности снабжать ими людей чужих и по большей части неприязненных, то Наполеон предпочел оделять их деньгами, и для того были им выдаваемы бумажные рубли.

Но художник не должен забывать, что представление об исторических лицах и событиях, составившееся в народе, основано не на фантазии, а на исторических документах, насколько могли их сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и события, художник должен руководствоваться, как и историк, историческими материалами. *Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг, заглавия которых я не нахожусь надобности выписывать здесь, но на которые всегда могу сослаться.*

б) Наконец, шестое и важнейшее для меня соображение касается того малого значения, которое, по моим понятиям, имеют так называемые великие люди в исторических событиях.

Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадно-стью событий и столь близкую к нам, о которой живо столько разнороднейших преданий, я пришел к очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся исторических событий. Сказать (что кажется всем весьма простым), что причины событий 12-го года состоят в завоевательном духе Наполеона и в патриотической твердости императора Александра Павловича так же бессмысленно, как сказать, что причины падения Римской империи заключаются в том, что такой-то варвар повел свои народы на запад, а

такой-то римский император дурно управлял государством, или что огромная срываемая гора упала оттого, что последний работник ударил лопатой.

Такое событие, где миллионы людей убивали друг друга и убили половину миллиона, не может иметь причиной волю одного человека: как один человек не мог один подкопать гору, так не может один человек заставить умирать 500 тысяч. Но какие же причины? Одни историки говорят, что причиной был завоевательный дух французов, патриотизм России. Другие говорят о демократическом элементе, который разносили полчища Наполеона, и о необходимости России вступить в связь с Европою и т. п. Но как же миллионы людей стали убивать друг друга, кто это велел им? Кажется, ясно для каждого, что от этого никому не могло быть лучше, а всем хуже; зачем же они это делали? Можно сделать и делают бесчисленное количество ретроспективных умозаключений о причинах этого бессмысленного события; но огромное количество этих объяснений и совпадение всех их к одной цели только доказывает то, что причин этих бесчисленное множество и что ни одну из них нельзя назвать причиной.

Зачем миллионы людей убивали друг друга, тогда как с сотворения мира известно, что это и физически и нравственно дурно?

Затем, что это так неизбежно было нужно, что, исполняя это, люди исполняли тот стихийный, зоологический закон, который исполняют пчелы, истребляя друг друга к осени, по

которому самцы животных истребляют друг друга. Другого ответа нельзя дать на этот страшный вопрос.

Эта истина не только очевидна, но так прирожденна каждому человеку, что ее не стоило бы доказывать, ежели бы не было другого чувства и сознания в человеке, которое убеждает его, что он свободен во всякий момент, когда он совершает какое-нибудь действие.

Рассматривая историю с общей точки зрения, мы несомненно убеждены в предвечном законе, по которому совершаются события. Глядя с точки зрения личной, мы убеждены в противном.

Человек, который убивает другого, Наполеон, который отдает приказание к переходу через Неман, вы и я, подавая прошение об определении на службу, поднимая и опуская руку, мы все несомненно убеждены, что каждый поступок наш имеет основанием разумные причины и наш произвол и что от нас зависело поступить так или иначе, и это убеждение до такой степени присуще и дорого каждому из нас, что, несмотря на доводы истории и статистики преступлений, убеждающих нас в произвольности действий других людей, мы распространяем сознание нашей свободы на все наши поступки.

Противоречие кажется неразрешимым: совершая поступок, я убежден, что я совершаю его по своему произволу; рассматривая этот поступок в смысле его участия в общей жизни человечества (в его историческом значении), я убеж-

даюсь, что поступок этот был предопределен и неизбежен. В чем заключается ошибка?

Психологические наблюдения о способности человека ретроспективно подделывать мгновенно под совершившийся факт целый ряд мнимо свободных умозаключений (это я намерен изложить в другом месте более подробно) подтверждают предположение о том, что сознание свободы человека при совершении известного рода поступков ошибочно. Но те же психологические наблюдения доказывают, что есть другой род поступков, в которых сознание свободы не ретроспективно, а мгновенно и несомненно. Я несомненно могу, что бы ни говорили материалисты, совершить действие или воздержаться от него, как скоро действие это касается одного меня. Я несомненно по одной моей воле сейчас поднял и опустил руку. Я сейчас могу перестать писать. Вы сейчас можете перестать читать. Несомненно по одной моей воле и вне всех препятствий я сейчас мыслью перенесся в Америку или к любому математическому вопросу. Я могу, испытывая свою свободу, поднять и с силой опустить свою руку в воздухе. Я сделал это. Но подле меня стоит ребенок, я поднимаю над ним руку и с той же силой хочу опустить на ребенка. Я *не могу* этого сделать. На этого ребенка бросается собака, я *не могу* не поднять руку на собаку. Я стою во фронте и не могу не следовать за движениями полка. Я не могу в сражении не идти с своим полком в атаку и не бежать, когда все бегут вокруг меня. Я не могу, когда я стою на суде защит-

ником обвиняемого, перестать говорить или знать то, что я буду говорить. Я не могу не мигнуть глазом против направленного в глаз удара.

Итак, есть два рода поступков. Одни зависящие, другие не зависящие от моей воли. И ошибка, производящая противоречие, происходит только оттого, что сознание свободы, законно сопутствующее всякому поступку, относящемуся до моего я, до самой высшей отвлеченности моего существования, я неправильно переношу на мои поступки, совершаемые в совокупности с другими людьми и зависящие от совпадения других произволов с моим. Определить границу области свободы и зависимости весьма трудно, и определение этой границы составляет существенную и единственную задачу психологии; но, наблюдая за условиями проявления нашей наибольшей свободы и наибольшей зависимости, нельзя не видеть, что чем отвлеченнее и потому чем менее наша деятельность связана с деятельностью других людей, тем она свободнее, и наоборот, чем больше деятельность наша связана с другими людьми, тем она несвободнее.

Самая сильная, неразрываемая, тяжелая и постоянная связь с другими людьми есть так называемая власть над другими людьми, которая в своем истинном значении есть только наибольшая зависимость от них.

Ошибочно или нет, но, вполне убедившись в этом в продолжение моей работы, я, естественно, описывая исторические события 1807 и особенно 1812 года, в котором наибо-

лее выпукло выступает этот закон предопределения,³ я не мог приписывать значения деятельности тех людей, которым казалось, что они управляют событиями, но которые менее всех других участников событий вносили в него свободную человеческую деятельность. Деятельность этих людей была занимательна для меня только в смысле иллюстрации того закона предопределения, который, по моему убеждению, управляет историей, и того психологического закона, который заставляет человека, исполняющего самый несвободный поступок, подделывать в своем воображении целый ряд ретроспективных умозаключений, имеющих целью доказать ему самому его свободу.

³ Достойно замечания, что почти все писатели, писавшие о 12-м годе, видели в этом событии что-то особенное и роковое.

КОММЕНТАРИИ

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ «ВОЙНЫ И МИРА»

I

1863—1869 годы – это те семь лет «непрестанного и исключительного труда»,⁴ который Толстой положил на создание романа «Война и мир».

Шестидесятые годы характеризуются в истории России большим общественным подъемом. Положение народа в настоящем и его исторические судьбы особенно волновали передовое русское общество. Жизнь и творчество Толстого этих лет также отмечены напряженным интересом к народу и его истории.

Общественно-политические условия эпохи, в которую Толстой сложился и как художник и как мыслитель, обстоятельства его личной жизни, его общественная и литературная деятельность с самого начала, с 1850-х гг., способствовали развитию в нем исключительного интереса к кре-

⁴ Л.Н. Толстой, «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» – т. 16, стр. 7.

стьянству, к его жизни, быту. Будучи участником Крымской войны, наблюдая «защитников Севастополя на самом месте защиты»,⁵ Толстой пришел к убеждению, что нужно склониться перед их «молчаливым бессознательным величием и твердостью духа».⁶ В 1860-е гг., время страстного увлечения Толстого посреднической деятельностью и школой для крестьянских детей, он еще теснее сблизился с русским народом. И хотя ему казалось, что он был тогда «возбужден и радостен своими особенными, личными, внутренними мотивами», приведшими его «к школе и общению с народом»,⁷ в действительности же мотивы были не «свои, личные», а связанные с общественными настроениями эпохи.

Именно в 60-е годы был не только поставлен, но выдвинут на первое место вопрос о роли народных масс в истории. В общественно-исторических условиях эпохи первого демократического подъема – истоки романа «Война и мир», в котором Толстой, как он сам говорил, любил «мысль народную, вследствие войны 12-го года».⁸

Историей России и, в частности, историей Отечественной войны 1812 года Толстой начал интересоваться с молодых лет. В июле 1852 г. двадцатичетырехлетний Толстой, живя

⁵ Т. 4, стр. 6.

⁶ Там же, стр. 7.

⁷ П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», М. 1906, т. I, стр. 397—398.

⁸ «Дневники С. А. Толстой. 1860—1891», М. 1928, стр. 37.

на Кавказе, читал «Описание Отечественной войны 1812 года» А. И. Михайловского-Данилевского и затем того же автора «Описание войны 1813 года».⁹ Тогда он записал в Дневнике: «Читал Историю войны 13 года. Только лентяй или ни на что неспособный человек может говорить, что не нашел занятия. – Составить истинную, правдивую историю Европы нынешнего века, вот цель на всю жизнь. Есть мало эпох в истории столь поучительных, как эта, и столь мало обсужденных, – обсужденных беспристрастно и верно, так, как мы обсуживаем теперь историю Египта и Рима. – Богатство, свежесть источников и беспристрастие историческое, невиданное – совершенство».¹⁰

В Дневнике 26 октября 1853 г. имеется запись о кампании 1805 года.¹¹ Быть может, Толстой читал тогда книгу А. И. Михайловского-Данилевского об этой кампании.¹² 18 ноября он начал читать «Историю Государства Российского» Карамзина, «слог» которой понравился ему, а предисловие с изложением взгляда Карамзина на предмет истории и ее задачи вызвало «пропасть хороших мыслей».¹³ В течение ме-

⁹ А. И. Михайловский-Данилевский, «Описание Отечественной войны 1812 года», Спб. 1839 (3-е изд., Спб. 1843); «Описание войны 1813 года», Спб. 1840 (2-е изд., Спб. 1844).

¹⁰ Дневник, 22 сентября 1852 г. – т. 46, стр. 141—142.

¹¹ Т. 46, стр. 185.

¹² А. И. Михайловский-Данилевский. «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году», Спб. 1844.

¹³ Дневник, 18 ноября 1853 г. – т. 46, стр. 200.

сяца продолжалось чтение «Истории». 10 декабря записано в Дневнике: «Окончив Историю России, я намерен пересмотреть ее снова и выписать замечательнейшие события». ¹⁴ Окончив 16 декабря чтение Карамзина, Толстой на следующий день начал читать «Русскую историю» Н. Г. Устрялова и делал выписки из нее. ¹⁵

Наряду с выписками из книг Толстой излагал в Дневнике свои мысли «о *сочинении истории*» ¹⁶ – так он озаглавливал их. «Каждый исторический факт необходимо объяснять *человечески* и избегать рутинных исторических выражений», – записал Толстой 17 декабря и тут же прибавил: «Эпиграф к Истории я бы написал: «Ничего не утаю». Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно – умалчивая». ¹⁷

2 января 1854 г. Толстой записал правило для себя: «Вписывать в дневник только мысли, сведения или примечания, относящиеся до предполагаемых работ. Начиная каждую работу, пересматривать дневник и выписывать из него всё к ней относящееся на особую тетрадку». ¹⁸ И со следующего дня, наряду с заметками к художественным произведениям,

¹⁴ Т. 46, стр. 209. Много лет спустя Толстой говорил, что он не любит «Историю» Карамзина «за придворный тон» (Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», 6 июля 1905 г.).

¹⁵ Дневник, 17—23 декабря 1853 г. – т. 46, стр. 211—216.

¹⁶ Здесь и далее курсив Толстого.

¹⁷ Дневник, 17 декабря 1853 г. – т. 46, стр. 212.

¹⁸ Т. 46, стр. 218—219.

над которыми в ту пору Толстой работал, появляются записи по вопросам истории.¹⁹ Тот факт, что записи к «Истории» делались среди заметок, относящихся к предполагаемым работам, позволяет допустить, что в план таких «предполагаемых» работ «ходила в каком-то виде «История»». Очевидно, возникшая у Толстого в сентябре 1852 г. мысль об «истинной, правдивой истории Европы нынешнего века» увлекла «то, быть может появился замысел написать такую историю, и непрерывное чтение исторических сочинений в течение почти полутора лет, возможно, было подготовительной работой к задуманному произведению. Однако замысел «Истории» остался тогда неосуществленным.

Спустя шесть лет, в конце 1860 г., Толстой «затеял... роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист... энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгой и несколько идеальной взгляд к новой России». Так Толстой изложил свой замысел в письме к А. И. Герцену 14/26 марта 1861 г.²⁰ Повесть о декабристе осталась незавершенной. Написаны были тогда только три главы.²¹ Процесс дальнейшей работы над задуманным произведением привел писателя к его первому роману «Война и мир».

К Отечественной войне 1812 года Толстому довелось об-

¹⁹ Там же, стр. 219—221.

²⁰ Т. 60, стр. 374.

²¹ О работе над «Декабристами» см. т. 17, стр. 469—585.

ратиться еще года за полтора до начала работы над романом. Это было на уроке истории в Яснополянской школе. Рассказ Толстого в школе был художественный исторический рассказ, проникнутый глубоким патриотизмом автора и производивший сильное впечатление на учеников.²² Толстой намеревался напечатать свой рассказ в книжках «Ясная Поляна», но намерения своего не выполнил. С 1863 г. все творческие силы его были направлены на создание будущего романа «Война и мир».

II

История писания романа «Война и мир» до сего времени в должной мере, не исследована, и даже подвергалась сомнению возможность восстановить ее.²³ Это сомнение возникало лишь потому, что не только не были изучены, но даже не

²² См. Л. Н. Толстой, «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» — т. 8; стр. 100—102.

²³ «Полной историк создания «Войны и мира» мы еще не имеем, и сейчас трудно даже сказать, насколько она вообще может быть восстановлена во всех подробностях» (А. Е. Грузинский, «К новым текстам из романа «Война и мир» — «Новый мир», 1925, № 6, стр. 3). «К сожалению, Лев Николаевич в эти годы почти не вел. дневника: за 1864 год — только одна запись, за 1865 год только с 7 марта по 10 апреля и с 19 сентября по 12 ноября, и затем дневники прекращаются почти на тринадцать лет — до 17 апреля 1878 года. Таким образом, история создания «Войны и мира» не может быть написана. Только некоторые данные можем мы почерпнуть из писем и из немного численных записей в дневнике Толстого того времени» (Н. Н. Гусев, «Толстой в расцвете художественного гения (1862—1877)», изд. Толстовского музея, М. 1923, стр. 41).

были точно разобраны сохранившиеся рукописи романа.

Из имеющихся работ, посвященных истории создания «Войны и мира», наиболее полна статья М. А. Цявловского «Как писался и печатался роман «Война и мир», опубликованная в 1927 г.²⁴ Она до сих пор не утратила интереса и значения, поскольку с того времени не вышло ни одной работы, которая заменила бы или хотя бы в достаточной мере дополнила ее. Статья основана исключительно на переписке Толстого, на немногочисленных дневниковых записях его и мемуарах о Толстом. Поэтому сам автор считал эту статью лишь «внешним очерком истории писанин и печатания романа». К рукописям «Войны и мира» М. А. Цявловский тогда не обращался. В 1945 г. М. А. Цявловский переработал и значительно дополнил свою статью, назвав ее «Историей писания и печатания романа «Война и мир» (не опубликована). Своей задачей в этой новой статье автор все так же ставил «рассказать внешнюю историю писания и печатания «Войны и мира» в 1863—1869 гг.» на основе свидетельств самого Толстого и близких ему лиц.²⁵ Комментарии В. И. Срезневского к изданию «Войны и мира» в собрании художественных произведений Толстого²⁶ написаны также без специаль-

²⁴ «Толстой и о Толстом», сб. 3, М. 1927, стр. 129—174

²⁵ См. «рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение литературы и языка», Академия наук СССР, М. – Л. 1947, стр. 16.

²⁶ Л. Толстой, Полное собрание художественных произведений, т. VII, М.– Л. 1930, стр. 363—382.

ного обращения к рукописям. Не утратившая до сего времени интереса работа А. Е. Грузинского о текстах «Войны и мира»²⁷ представляет собою вступительную статью и комментарии к публикации вариантов начала романа и отдельных черновых отрывков его. Эта работа, хотя и основана исключительно на изучении рукописей, касается лишь текста публикуемых отрывков, а не романа в целом. Такого, же характера комментарии к одиннадцати большим отрывкам из черновых рукописей разных частей романа, опубликованным в «Литературном наследстве», № 35-36.

Обычно исследователи приступали к изучению «Войны и мира» с установившейся точкой зрения, впервые выдвинутой А. Е. Грузинским, что Толстой задумал не исторический роман, а семейную хронику, что замысел исторической части возник после того, как определился сюжет «мира», что в процессе работы (никто, правда, не раскрыл, как это произошло) семейная хроника переросла в грандиозную историческую эпопею. А. Е. Грузинский в статье «К новым текстам из романа «Война и мир»»,²⁸ анализируя одну из ранних рукописей (список действующих лиц с их характеристиками), определяет ее как первоначальный план романа, в котором нет «исторической и батальной стороны». На этом основании он приходит к выводу, что «выяснился сперва замысел

²⁷ «Новый мир», 1925, №№ 6 и 7; см. также А. В. Грузинский, Первый период работ над «Войной и миром» – «Голос минувшего», 1923, № 1, стр. 93—110.

²⁸ «Новый мир», № 6.

«мира» и уже потом – «войны». В предисловии к публикации в «Литературном наследстве» черновых вариантов романа редактор пишет: «Судя по первоначальным наброскам и конспектам в 1864 и в начале 1865 г., замысел Толстого имел своим основанием только «мир». Исторические события должны были служить лишь вехами, этапами, фоном для развертывания хроники дворянской жизни».²⁹ Позднее тот же автор в статье «Как писал Толстой «Войну и мир»³⁰ указал, что был задуман историко-бытовой, а не семейный роман; но ряд неверных суждений о первоначальном периоде работы привел его к выводу, что «первая полная редакция, законченная в 1867 году, носит на себе черты дворянского сословного романа с ярко выраженной дворянской идеологией» и лишь «на четвертом году работы дворянский роман превратился в народную эпопею». В последующих работах о создании «Войны и мира» повторяются утверждения и о семейном замысле и о дворянском сословном романе.³¹

²⁹ «Литературное наследство», № 35-36, М. 1939, стр. 286.

³⁰ «Литературная газета», 1940, № 57 от 17 ноября.

³¹ См. Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой». Кн. вторая. Шестидесятые годы, Л. – М. 1931, стр. 231; П. С. Попов, «Толстой и о Толстом. Обзор литературы за 1935—1939 гг.» – «Литературное наследство», № 37-38, М. 1939, стр. 740; Л. Мышкова, «Герои «Войны и мира» – «Литературная учеба», 1940, № 12, стр. 20; С. П. Бычков, «Народно-героическая эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир», М. 1949, стр. 6—7; «Лев Николаевич Толстой». Сборник статей и материалов, Изд. АН СССР, М. 1951, стр. 580; «Собрание сочинений Л. Н. Толстого» в 14 томах, т. 7, Гослитиздат, М. 1951, стр. 351 и сл.; А. М. Лапин, «Роман Л. Толстого «Война и мир» (Эволюция замысла и образы романа)» – «Русский язык в нерусской

Не находя среди сохранившихся рукописей материалов, подтверждающих семейный замысел, те немногие исследователи, которые обращались к рукописям, приходили ко второму ошибочному выводу, будто многие рукописи, особенно рукописи ранней стадии работы, не сохранились.³²

Рукописей «Войны и мира» сохранилось свыше 5000 листов: автографы, исправленные Толстым копии и корректуры. Из них 91 лист относится к самому раннему периоду работы, к поискам начала романа (рукописи №№ 1—3, 42—49, 51, 52). Анализ их позволяет предположить, что рукописи первоначального периода работы полностью сохранились. Из автографов и копий дальнейшего периода работы утрачены отдельные разрозненные листы, относящиеся к разным частям романа, а также наборные рукописи журнального текста первой и второй частей, напечатанных впервые в «Русском вестнике». Однако сохранившаяся почти полностью рукопись первой части, предшествующая наборной,

школе». Методический сборник, вып. 6, Баку, 1952, стр. 31—60; С. П. Бычков, «Война и мир – народно-героическая эпопея» – в сборнике «Творчество Л. Н. Толстого», Изд. АН СССР, М. 1954, стр. 130 и сл.; С. П. Бычков, «Л. Н. Толстой. Очерк творчества», Гослитиздат, М. 1954, стр. 116 и сл.; С. И. Леушева, «Война и мир» Л. Н. Толстого», Изд-во Академии педагогических наук, М. 1954, стр. 10—20.

³² Например, в «Литературном наследстве» сообщалось: «Корректур романа до нас дошло сравнительно немного. Из рукописей же пропали значительная часть черновиков, относящихся к первоначальной стадии работы, и отдельные части последующих редакций романа. Это обстоятельство весьма затрудняет выяснение творческой истории великого произведения» («Литературное наследство», № 35-36, стр. 286).

очень близка к журнальному тексту, и сопоставление ее с публикацией в журнале раскрывает характер последующих исправлений, сделанных либо в наборной, не сохранившейся, рукописи, либо в корректуре. Сохранившиеся автографы второй части разрознены, и не удастся подобрать полной рукописи, с которой снималась копия для журнального набора. Однако первоначальные наброски этой части, а также сохранившаяся довольно большая часть рукописи, текст которой во многом весьма близок к журнальному, дают возможность достаточно ясно восстановить процесс работы над второй частью. Дальнейшее содержание романа – от Ольмюцкого смотра в ноябре 1805 г. (по наст. изд. от третьей части первого тома) до конца романа – представлено в рукописях почти полностью от начальных вариантов до наборных рукописей и, кроме того, частично в корректурах. Утрачено много корректур первого отдельного издания, но сохранились в большей части автографы вставок в утраченные корректуры.³³ Вставки эти дают представление о том, какие дополнения вносил автор в произведение при работе над корректурами. Таким образом, утраченная часть по отношению к целому настолько незначительна, что она не является серьезным препятствием на пути восстановления процесса создания романа.

³³ Вставки в корректуры часто переписывались, и копии подшивались для ясности к корректурам. Вследствие этого автографы многих вставок, сделанных на отдельных листах, сохранились особо от самих корректур.

III

1 октября 1862 г. Толстой писал свояченице Е. А. Берс, что его «так и тянет теперь к свободной работе *de longue haleine*³⁴ – роман или т[ому] п[одобное]». ³⁵ В это время Толстой был занят «Казачками» и «Поликушкой». С конца декабря время от времени в Дневнике появляются записи, говорящие о растущем творческом подъеме писателя. «Пропасть мыслей, так и хочется писать», – отмечает Толстой 30 декабря 1862 г. «Эпический род мне становится один естественен», – пишет он спустя несколько дней (3 января 1863 г.). «Давно я не помню в себе такого сильного желания и спокойно-самоуверенного желания писать. Сюжетов нет, т. е. никакой не просится особо, но, заблуждение или нет, кажется, что всякой сумел бы сделать» (23 января).³⁶ Далее Толстой касается тем и образов, которые приходят ему «с разных сторон», но среди них нет еще ничего, относящегося к тому произведению, которое в ближайшее время полностью захватит его. Через месяц, 23 февраля 1863 г., Толстой отметил в Дневнике: «Перебирал бумаги – рой мыслей и возвращение или попытка возвращенья к лиризму. Он хорош.

³⁴ [продолжительной]

³⁵ Т. 60, стр. 451.

³⁶ Т. 48, стр. 47, 48, 50.

Не могу писать, кажется, без заданной мысли и увлечения».³⁷ Быть может, среди бумаг, которые Толстой перебирал, были написанные им два года назад первые главы романа о декабристе. Быть может, с этого времени и началась та работа, которая привела Толстого к эпохе 1812 г. Два дня спустя С. А. Толстая уведомила сестру: «Лева начал новый роман».³⁸ 5 сентября 1863 г. появляется первое точное свидетельство о замысле романа из эпохи 1812 г.: «Вчера мы много говорили о 1812 годе по случаю намерения твоего написать роман, относящийся к этой эпохе», – писал Толстому А. Е. Берс.

Важным документом, который не только дает основание для датировки начала работы, но и помогает решить вопрос о замысле романа, является сохранившийся среди рукописей «Войны и мира» счет книжного магазина на книги, покупавшиеся Толстым между 15 августа 1863 г. и 19 апреля 1865 г. Среди первой партии книг, купленных 15 августа 1863 г., были те, которые служили Толстому основными источниками в течение всей работы над романом: книги А. И. Михайловского-Данилевского о войнах 1805, 1812 и 1813 гг., «История консульства» Тьера, «Записки» С. Глинки и др.³⁹

В письме от 14—15 сентября Е. А. Берс, видимо выполняя поручение Толстого, прислала ему список книг, «в кото-

³⁷ Т. 48, стр. 52.

³⁸ Письмо С. А. Толстой к Т. А. Берс от 25 февраля 1863 г.

³⁹ Список опубликован полностью ниже, стр. 153—154.

рых говорится что-нибудь о 12-м годе». Она писала: «Их на русском языке замечательно мало, а очерков из общественной жизни почти вовсе нет; все так много заботились о политических событиях и их было так много, что никто и не думал описывать домашнюю и общественную жизнь того времени. Тебе надо получить особенное откровение свыше, чтобы угадать по самым неясным намекам и рассказам. Постарайся послушать очевидцев. На днях я справлюсь в французских и немецких магазинах, но вряд ли буду счастлива. Сколько я ни читала, я, сколько помню, не встретила ни одного описания русской общественной жизни в иностранных книгах. Я слушала некоторые рассказы, но все говорят о том, как мужики били француза, как хотели Кремль взорвать. В какой день кто и куда выехал, а как жили во Владимире, да в Туле, да в Калуге эти выехавшие, никто о том решительно ничего не скажет. Ты очень трудную предпринял задачу, и журналов от того времени никаких нет. Я тебе отметила те книги, где более говорится об общественной жизни, и если хочешь, я куплю их и прочту и отмечу хорошие места или сделаю сокращенные выписки, потому, мне кажется, что я понимаю, что тебе нужно, а это тебе уничтожит скучную сторону твоего труда».⁴⁰ Из письма Е. А. Берс можно заключить, что с ее помощью Толстой надеялся разыскать для предстоящей работы материалы о домашней и общественной жизни

⁴⁰ Письмо Е. А. Берс к Толстому от 14—15 сентября 1863 г. (впервые опубли. в указанной выше книге Б. М. Эйхенбаума, кн. вторая, стр. 227—228).

людей в разных городах России в эпоху войны 1812 г. Ясно, что в замысел Толстого в самом начале входила тема Отечественной войны 1812 г., в частности оставления жителями Москвы и рассказ о том, «как жили во Владимире, да в Туле, да в Калуге эти выехавшие».

А. Е. Берс был также занят разыскиванием материалов для нового произведения Толстого. Он искал их и в печатных изданиях и в устных свидетельствах частных людей, современников 1812 г. О своих находках он сообщал Толстому в письмах к нему. В конце октября А. Е. Берс прислал в Ясную Поляну подлинники писем М. А. Волковой к В. И. Ланской, которые дала для Толстого дочь В. И. Ланской А. С. Перфильева.⁴¹ В письме от 23 октября 1863 г. А. Е. Берс обращал внимание Толстого на то, что в этих письмах «весьма интересны» сведения «об духе того времени». Толстой тогда же прочел присланные письма, они заинтересовали его, и вскоре он воспользовался ими для своего романа.

Наконец, в октябре 1863 г. появляется первое личное свидетельство Толстого. «Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько способными к работе, – писал Толстой. – И работа эта есть у меня. Работа эта – роман из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени... Я теперь

⁴¹ Письма М. А. Волковой к В. И. Ланской частично были напечатаны в «Русском архиве», 1872, декабрь; полностью – в «Вестнике Европы», 1874, №№ 8—12, под заглавием «Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской».

писатель *всеми* силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал». ⁴²

IV

Нельзя точно определить, что именно было написано за время с февраля до осени 1863 г. Ясно лишь, что Толстого интересовало тогда время войны 1812 г. Подтверждается это следующими дополнительными свидетельствами. В дневнике С. А. Толстой 28 октября имеется пометка, говорящая о работе Толстого над «Историей 1812 года». ⁴³ 15 декабря Толстой в Москве приходил к М. П. Погодину за материалами по 1812 г. ⁴⁴ Возможно, что в тот же приезд или в феврале 1864 г. он брал книги у библиографа и историка литературы М. Н. Лонгинова, а также покупал книги о 1812 г. Из позднейших писем Толстого к М. Н. Лонгинову ⁴⁵ известно, что Толстой получил у него «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», ⁴⁶ «Походные записки русского офицера», изданные И. Лажечниковым (М. 1836), и книгу П. И. Шаликова «Историческое

⁴² Письмо к А. А. Толстой от 17—31? октября 1863 г. – т. 61, стр. 23—24.

⁴³ «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891», М. 1928, стр. 80.

⁴⁴ Дневник М. П. Погодина (Госуд. биб-ка СССР им. В. И. Ленина).

⁴⁵ См. письма Толстого к М. Н. Лонгинову от 19 и 26 марта 1864 г. – т. 61, стр. 40, 42—43.

⁴⁶ В этом издании к 1864 г. было уже опубликовано много материалов о 1812 г.

известие о пребывании в Москве французов 1812 года» (М. 1813).⁴⁷

До конца февраля 1864 г., упоминая о своей работе в письмах к близким, Толстой продолжал называть ее «романом из 1812 года».⁴⁸ На этом основании можно выделить группу рукописей, написанных в течение первого периода – с февраля 1863 по февраль 1864 г. Таких рукописей сохранилось семь. Они различны по содержанию и по объему, но объединены замыслом о 1812 годе. Некоторые данные позволяют с достаточной долей вероятности наметить хронологическую последовательность создания первых семи рукописей.

Первой следует считать неоднократно публиковавшийся набросок, который принято называть кратким конспектом (рукопись № 47).⁴⁹ «В 1811 году у старого князя Волхонского гостил молодой Зубцов», – так Толстой начал, желая сразу ввести в действие. «Молодой Зубцов», как видно из дальнейшего, – тот «блестящий молодой человек», который, по первоначальному замыслу, должен был погибнуть под Аустерлицем. Эта первая фраза тут же зачеркнута, но позднее Толстой еще раз вернется к «молодому Зубцову», теперь же пы-

⁴⁷ Две последние книги указаны в цитированном письме Е. А. Берс к Толстому,

⁴⁸ См. письма Толстого к М. Н. Толстой от 20 января и 24 февраля 1864 г. – т. 61 стр. 34 и 37.

⁴⁹ Опул. т. 13, стр. 13, вар. № 1. Анализ этого и следующих ранних набросков сделан А. Е. Грузинским в указанной выше статье («Новый мир», 1925, №№ 6 и 7), где впервые опубликованы конспекты и ранние варианты начала романа.

тается начать с характеристик действующих лиц.

После нескольких вступительных фраз автор перешел к простому перечислению намечавшихся в ту пору действующих лиц с их краткими характеристиками. Старый князь Волконский (впоследствии Волконский) и его дочь княжна Марья, семья графа Толстого (впоследствии Ростова), видимо, с самого начала четко рисовались автору. Будущий Пьер намечен под именем Ильи, как «единственный сын, богач», «кроткой, умница, женат на красавице б.....». Министр Мосальский и его два сына Иван и Петр – это будущий князь Василий с сыновьями. «Вдова Аркадия – кузина и друг детства глупого доброго графа Толстого» – вероятно, будущая княгиня Анна Михайловна Друбецкая. Трое других – сын министра Петр, племянник Толстых Анатолий, брат жены Ильи и уготованная им по этому наброску роль объединятся впоследствии в образе Анатоля Курагина. Ясно представлялся Толстому Берг, которому сразу было дано определение: «ловкий немец делает карьеру больше всех». Таков первый перечень частных лиц, которые должны были жить и действовать в романе, посвященном 1812 году.

Хронологически следующим можно считать набросок начала, озаглавленный «Три поры» (рукопись № 43).⁵⁰ Основа-

⁵⁰ Опубл. т. 13, стр. 77—85, вар. № 10. Как в первой публикации А. Е. Грузинского («Новый мир», 1925, № 6, стр. 32—38), так и в т. 13 опубликован не первоначальный текст этого варианта начала, а тот, который возник в период приспособления рукописи к новому замыслу начать действие романа с 1805 г. Именно в позднейший период встречающиеся в наброске даты 1811 г. были исправлены

ние следующее: в первом упомянутом выше наброске есть указание на то, что у князя Волконского одна дочь; о сыне нет никаких упоминаний. В наброске «Три поры» первоначально так и было, и лишь в процессе работы над ним введен сын князя Волконского. Во всех последующих вариантах начала уже утвердилось, что у князя Волконского дочь и сын.

Заглавие «Три поры» и подзаголовок: «Часть 1-я. 1812 год» раскрывают замысел того времени, неразрывно еще связанный с романом о декабристе. По этому замыслу, первая часть, то есть «первая пора» из трех, посвящена «молодости главного героя»; следующие две «поры» – 1825 г., год декабрьского восстания, и 1856 г., год возвращения декабристов из ссылки – должны были, очевидно, составить следующие части.⁵¹

Первой главе дано заглавие: «Генерал-аншеф». Набросок начинается с рассказа о старом князе Волконском: приведены краткие биографические сведения, описаны его привычки, образ жизни в Лысых Горах. Все соответствует первоначальной краткой характеристике в предыдущем наброске и содержит основные черты будущего старого князя Волконского. Намечены образы княжны Марьи и ее компаньон-

на 1805 г.; тогда же в двух местах вписано имя князя Андрея как сына Н. С. Волконского. В период же создания данного варианта, то есть в первом слое этой рукописи, действие начинается в 1811 г., что естественно вытекает и из подзаголовка: «Часть 1-я. 1812 год».

⁵¹ Это предположение впервые выдвинул А. Е. Грузинский в указанной выше статье

ки-французенки, которая фигурирует здесь под именем m-lle Silienne. Отражены в этом варианте, хотя еще очень бегло, и своеобразные взаимоотношения старого князя с дочерью. Сын старого князя еще не фигурирует. Мысль о нем появилась в процессе работы именно над этим вариантом; сначала возникло лишь краткое упоминание о нем, затем тема сына стала несколько расширяться, но образ его все еще не напоминал князя Андрея. Ход творческих поисков таков. Отрывок о семье старого князя переделывался несколько раз. Первоначально: «В 1811 году княгини уже не было на свете. От нее оставалась одна дочь (17 лет) 21 года, и князь жил один с нею и с французенкой (Enit[ienne]) Silienne,⁵² взятой князем из милости для компании дочери. M-lle Silienne было 18 лет». О сыне никаких упоминаний нет. Этот набросок тут же зачеркивается и пишется новый – введен сын: «...От нее остались сын и дочь. Князь жил один с дочерью и французенкой m-lle Silienne, взятой князем из милости для компании дочери, летом в деревне, зимой в Москве в собственном доме. Сын князя, еще бывши 19 лет от рода, послушался отца, выйдя из университета и поступив в гусары. И с тех пор князь сказал, что у него нет сына. Никто не смел упоминать про него. Князь сам раз в год посылал ему (1200 р.) 500 р., и сына, действительно, не было». Этот текст также

⁵² Имя французенки в этом варианте неустойчиво: то Enitienne, то Silienne. Имя компаньонки матери Толстого, в какой-то мере послужившей прообразом компаньонки княжны Марьи, было: Louise Henissienne.

не удовлетворил писателя; он начал создавать новую ситуацию в отношении сына: «...сын этот женился бог знает на ком, как говорили, и молодая княгиня, оставленная им без средств в Москве, по проискам княжны, была привезена в Лысые Горы и жила во флигеле. Она была на сносях». Не докончив и этого варианта, Толстой зачеркнул его, заменив другим: «...сын этот женился бог знает па ком, как говорил князь, и отец его знать не хотел, хотя теперь перед кампанией он позволил привезти к себе жену, чтобы не бросить ее на улице, и самому приехать проститься». Так, в процессе работы над первым вариантом начала романа, постепенно подготавливалось в сюжете место будущего князя Андрея.

В законченном виде первый вариант начала содержит характеристику князя Волконского и уклад его жизни в Лысых Горах в 1811 г. с дочерью и француженкой m-lle Silienne (вся эта тема будет позднее развита в последних главах первой части первого тома).⁵³ В Лысых Горах ожидают приезда сына, беременная жена которого уже находится в имении. Старый князь раздражен и недоволен приездом сына, которого он не хочет видеть. В это время приезжают «молодые князья Т. с гувернером из-за границы». Это будущие Ипполит и Анатолий Курагины, здесь они Иван и Петр – персонажи, знакомые по первому наброску. О них из этого варианта начала известно лишь, что «оба были дураки. Старший вялый и ломающийся, второй простой и с плотскими наклон-

⁵³ По наст. изд. т. I, ч. 1, гл. XXII—XXV.

ностями. Он начал волочиться за княжной и опротивел ей. Enitienne хорошо приняла его». Это зерно будущей сцены приезда Анатоля Курагина в Лысые Горы, которое будет развито впоследствии во втором томе. Заканчивается набросок конспектом беседы старого князя с гостями о войне: «Князь разговаривал о Наполеоне. Он видел его силу, но презирал его... Аббат презирал революцию, но уважал la capitale du monde.⁵⁴ Речь о делах с австрийцами. Должны проходить войска». Далее также конспективно изложены происшедшие в доме события: роды невестки, поведение Ивана и Петра Т. («Иван соблазняет Александру, Петр – Enitienne»), и отношение старого князя ко всему происшедшему: «Князь переносит твердо и всё приводит в порядок».

На этом довольно развитый вариант начала оборвался. На полях первого листа этого наброска записаны отдельные мысли автора. Некоторые из них позволяют частично представить дальнейший замысел. Например, пометка: «Переходил через границу завоевателем, всё покорялось, теперь едет покоряться кондуктору»,⁵⁵ конечно, относится к Наполеону. Другая заметка: «Дибич противн. взял в левую руку шпагу» будет использована в следующей рукописи для характеристики поведения Берга под Бородиным.

Дальнейшие записи относятся к пребыванию французов в Москве: «Мальчик в Москве рад свободе, происшедшей от

⁵⁴ [столицу мира.]

⁵⁵ Кондуктор – унтер-офицер.

французов. Злодей француз колет и тот же самый на квартире кроткой». Вторая фраза, быть может, содержит зерно замысла о французе Пончини (в окончательной редакции – Рамбале), с которым встретился Пьер в занятой французами Москве. Последняя заметка на полях: «Любезничает с пленными и дает им хлеб, а Топчеевко есть нечего». Видимо, в ней отражен замысел какого-то эпизода на войне. Позднее в конспективных записях, а также в седьмом варианте начала встретится имя Топчеевко.⁵⁶ Конспект беседы старого князя с аббатом, а также заметки на полях дают все основания утверждать, что в самый ранний период работы над романом тема войны входила в план.

Если рассматривать этот набросок не изолированно, а в ряду всех последующих набросков начала, то можно выдвинуть предположение, почему вариант не удовлетворил автора и не получил дальнейшего развития в этот период работы. В последующих вариантах автор будет, так же как и здесь, пытаться ввести в самом начале повествования беседу о Наполеоне и войне. Быть может, этот вариант отброшен именно потому, что в нем не создалась обстановка, дающая возможность перехода к тем большим историческим вопросам, которые были основной задачей задуманного произведения. Отдаленное от Москвы и Петербурга имение, а также общественное положение находящегося в немилости генерал-аншефа не позволяли собрать в Лысых Горах людей разных на-

⁵⁶ См. т. 13, стр. 107.

правлений, к чему, как будет видно из дальнейших поисков начала, Толстой стремился для того, чтобы сразу начать действие исторического романа. Это начало было оставлено, и Толстой стал искать другое.

Вернее всего, что после варианта «Три поры» Толстой начал составлять новый перечень действующих лиц своего будущего произведения (рукопись № 1).⁵⁷ В этом перечне нет больше колебаний насчет сына князя Волконского, а точно указано: «Дочь и кутила русопят сын»; такая характеристика близка к тому образу, какой был намечен в процессе работы над вариантом начала «Три поры». На этот раз создается не краткое перечисление персонажей, как в первом наброске, а подробный перечень девятнадцати действующих лиц с их развернутыми характеристиками по определенным рубрикам: «Имущественное», «Общественное», «Любовное», «Поэтическое», «Умственное», «Семейство». По этим рубрикам составлена характеристика каждого героя, конспективно намечена в основных чертах жизнь каждого «с 11 по 13 год» и определен возраст данного героя в эту пору. В этой рукописи точно определены хронологические границы действия: 1811—1813 гг. Эти даты позволяют предположить, что либо замысел представить в своем произведении «три поры» уже отпал, либо этот конспект составлен только для первой части задуманного романа. В центре внимания автора – 1812 год. Жизнь героев предполагается

⁵⁷ Опубл. т. 13, стр. 13—21, вар. № 2.

описывать с 1811 г., с тем чтобы подготовить всю обстановку и людей к 1812 году – кульминации романа. Из этой рукописи можно усмотреть, что Толстой намерен был описать войну 1812 года с момента перехода французских войск через Неман. Это явствует из намеченной сцены: «В Вильне бал», видимо, речь идет о том самом бале, на котором Александр I узнал о переходе вражеской армии через границу.

Итак, определены основные черты каждого из намеченных действующих лиц (многие из них уже близки к будущим образам «Войны и мира»), намечена их взаимосвязь, причем указывается не только на личную судьбу героев, но непременно и на их участие в самом главном историческом событии той поры – в Отечественной войне 1812 г.

Перечень действующих лиц начинается с Бориса, однако надо заметить, что характеристика его совершенно отличается от характеристики Бориса в первом наброске. Здесь он «честолюбив, тактичен, тверд в исполнении долга. Кроток с подчиненными», тогда как в первом он «глуповатый рыцарь, красавец». В новой характеристике Борису присвоены черты, не связывающие этот персонаж с образом князя Андрея: он «пишет стихи в альбом», «высоко ценит... семейную жизнь», и роль его в романе, особенно до войны 1812 г., совсем другая; но ряд деталей, схема взаимоотношений с Наташей и, главное, участие в Бородинском сражении сближают образ действующего лица, названного здесь Борисом, с будущим князем Андреем. Вначале отмечено, что Борис

«Наполеона обожает». Так намечается его отношение к Наполеону до войны 1812 г. В походе 12-го года он получает «важное назначение». Во время отступления русских войск в начале войны «он всё забывает, под влиянием чувства долга,⁵⁸ командует полком». Далее имеются глухие пометы: «перед Бородиным», в «ночь накануне Бородина», свидетельствующие о намерении автора показать своего героя перед Бородинским сражением, и, наконец, «под Бородиным без фраз уже он хочет умереть». В Бородинском сражении его ранят, раненого «везут в Москву и на их [Толстых] подводах в Нижний». Нетрудно узнать в наброске ту схему, по которой впоследствии будет развиваться жизнь князя Андрея.

В характеристике второго героя, Петра, образ которого в целом был, видимо, еще менее ясен автору, собраны самые различные черты: и те, которые будут приданы Анатолю, и эпизоды жизни Пьера. Его роль в 1812 г. определена несколькими заметками: указано, что он «страстно любит Россию», «Наполеона ревнует», «ненавидит лично Наполеона». Глухо упомянута его связь с ополчением, партизанами. Есть помета: «Канун Бородина» – возможно, намечался его приезд в армию накануне Бородинского сражения (что было осуществлено в окончательном тексте). Далее указано, что Петр «отдает всё и имеет цель революцию и работает как вол за солдат».

⁵⁸ Первоначально, вместо «под влиянием чувства долга», Борис действует «под влиянием оскорбленного чувства».

Точно так же в характеристике других героев отмечаются их отношение к Наполеону и поведение в 12-м году: на бале в Вильно, под Бородиным, в Москве в 1812 г. Берг «на бале в Вильно блестящий офицер», «под Бородиным хватает шпагу⁵⁹ в левую руку и награжден генералом и начальником». «Убирается заблаговременно из Москвы и богатеет поручениями». Образ Берга Толстому ясен. Замысел автора – противопоставить действительных героев тем людям, которых Толстой определит позднее как ловящих «рубли, кресты, чины». Для будущего старого графа Ростова, который именуется здесь графом Толстым, указано, что он «торопится увезти всю библиотеку из Москвы (о Наполеоне не знает, хвалить или ругать) и на подводах возит раненых». Сын его Николай «просится на войну. Делает всё, что другие». Иван Куракин «уважает Наполеона. В 12-м году ничего не видит, кроме спасения своего достояния и карьеры». Анатолий «живет в Москве, бежит». Волконский «не верит 12-му году... французы идут. Он ничего не хочет делать, разорять, и вдруг до лает больше всех». Марья Волконская «делает корпию, за ранеными». Аркадиева жена, будущая Элен, «у французов в Москве в связи с генералом».

Рассматривая эту рукопись как конспект романа, А. Е. Грузинский указал, что не видно, «какое именно место займет в замысле Отечественная война: нет вовсе упоминания о военных действиях; все события говорят о личной судьбе

⁵⁹ Ср. выше запись на полях о Дибиче, взявшем в левую руку шпагу.

героев; ясно лишь одно, что война содействовала духовному росту и возрождению нескольких из них». А. Е. Грузинский пришел к выводу, что у Толстого «не было замысла давать батальные сцены». С большим правом эта рукопись позволяет выдвинуть другое предположение. Подробный перечень действующих лиц, так же как и первый краткий перечень их, — конечно, не конспекты, а вернее всего следы того периода работы, когда Толстой «пытался сначала придумать романическую завязку и развязку»⁶⁰ для своих героев, которых он намерен был провести через исторические события. В этой рукописи вообще никакие сцены не намечены, ни сцены «мира», ни сцены «войны». Толстому, вероятно, ясна была историческая часть задуманного произведения: в хронологической последовательности рассказать об Отечественной войне, но он писал не историю, а художественное произведение на историческую тему, и потому ему надо было уяснить себе, кого и как он должен показать, чтобы в его произведении действовали реальные люди в конкретных исторических условиях. Обусловленный этим замыслом план жизни действующих лиц и составлялся автором.

К этому же раннему периоду относится, бесспорно, еще одна рукопись с записью отдельных мыслей к роману (рукопись № 2).⁶¹ Открывается она заметкой о Наполеоне: «Наполеон откупщик. Презрение к людям, успех. Врозь презира-

⁶⁰ См. т. 13, стр. 55.

⁶¹ Опубл. т. 13, стр. 21—22, вар. № 3.

ют, вместе поклоняются». Заканчивается рукопись конспектом первой главы, которая озаглавлена «Вал».

Среди ранних рукописей «Войны и мира» сохранились два варианта начала, открывающие действие с описания бала.⁶² Они, видимо, хронологически следуют непосредственно за выше рассмотренными рукописями. Первый из них (рукопись № 42) начинается с точного указания времени действия: «В 1811-м году, в то самое время, когда в Петербурге было получено письмо Наполеона I к Александру I-му и Коленкур был заменен Лористонем, в городе был бал у екатерининского вельможи князя N.». Совершенно ясно, что такое вступление, сразу затрагивающее историческое событие, которое стало началом спора между Россией и Францией, предполагало в дальнейшем развитие этих событий. Как бы по контрасту с назревающими в стране тяжелыми событиями, непосредственно после этой вводной фразы – переход к описанию бала, на котором должен присутствовать Александр I. Написана только сцена перед «известным всему городу домом вельможи» на Английской набережной, куда подъезжают в каретах «блестящие фигуры». В толпе, в которой были «и женщины и дети, и чисто одетые, и люди в кафтанах и шубах», находился также «не только чисто, но и по последней моде одетый господин». Имя персонажа – Анатоль Шимко. Быть может, это тот самый упомянутый в первом кратком перечне действующих лиц Анатоль, «молодой

⁶² Опубл. т. 13, стр. 68—70, вар. № 6, стр. 58—68, вар. № 5.

пройдоха», который встречается также во втором подробном перечне действующих лиц, где ему дана резко отрицательная характеристика. После приезда императора толпа начинает расходиться. Из зачеркнутых далее строк известно, что Анатоль, огорченный тем, что он не приглашен на бал, отправляется к Петру Криницыну.⁶³ Набросок обрывается в самом начале характеристики Петра Криницына. Судя по нескольким последним строкам, Петр Криницын и есть Петр, намеченный во втором подробном перечне действующих лиц. Этот вариант начала отброшен и пишется новый. Произведение открывается вступлением, содержащим характеристику общественно-политической обстановки в России и в Европе, главным образом во Франции.⁶⁴ Хронологические даты исторического периода, охватываемого вступлением: 1807—1811 гг. Первая фраза точно определяет замысел автора довести повествование до конца Отечественной войны. «Это было между Тильзитом и пожаром Москвы», — так начал Толстой свое произведение в четвертый раз и дал краткий обзор исторических событий за пять лет. В рассматриваемом наброске вступления, написанном не позднее осени 1863 г., отчетливо проявилась позиция автора в отношении Наполеона и его завоевательной политики. В тоне обличения говорит Толстой о преклонении перед Наполеоном и

⁶³ Толстой подбирал для Петра фамилии: Куракин, Красновицкий и, наконец, Криницын.

⁶⁴ Опубл. т. 13, стр. 58—68, вар. № 5.

всем французским, воцарившемся, особенно в высших светских кругах, после Тильзитского мира, почти в сатирической форме рисует личность французского императора и его стремление к господству над европейскими государствами. От резко обличительной и местами сатирической характеристики Наполеона и его действий Толстой переходит к последним политическим событиям, ко времени которых приурочивается начало действия в произведении.

Резко отрицательное отношение к личности Наполеона, отчетливо выступающее в этом вступлении, Толстой высказал еще в 1857 г., после осмотра гробницы Наполеона: «Обоготворение злодея, ужасно».⁶⁵ О том же свидетельствуют и его записи, сделанные тогда, весной 1857 г., при чтении воспоминаний о Наполеоне французского государственного деятеля Ласказа.⁶⁶ Книгу эту, написанную «в духе прославления Наполеона», Толстой впоследствии называл «самым драгоценным материалом» для характеристики Наполеона. Определившееся в молодости отрицательное отношение к Наполеону осталось у Толстого неизменным навсегда, и он, по собственному его выражению, дорожил этим взглядом. «Светлых сторон не найдете, нельзя найти, пока не исчерпаются все темные, страшные, которые представляет это лицо, — писал Толстой о Наполеоне спустя двадцать с лишним

⁶⁵ Дневник, 4/10 марта 1857 г. — т. 47, стр. 118.

⁶⁶ C-te de Las Cases, «Memorial de Sainte-Hélène», Paris, G-ustave Barba, libr.-édit., s. a. Tt. 1—2.

лет после окончания «Войны и мира». – Самый драгоценный материал, это *Mémorial de St. Hélène*. И записки доктора о нем.⁶⁷ Как ни раздувают они его величие, жалкая толстая фигура с брюхом, в шляпе, шляющаяся по острову и живущая только воспоминаниями своего бывшего quasi-величия, поразительно жалка и гадка». ⁶⁸ Такова была незыблемая оценка Наполеона Толстым в течение всей его жизни; и с этой-то оценкой Наполеона подошел Толстой к его изображению в своем произведении об эпохе 1812 г.

Обличительный тон переносит Толстой и на Александра I, подчеркивая, что захватнические действия Наполеона в отношении европейских государств вызвали возмущение русского императора только потому, что были задеты владения его родственника.

Вступление заканчивается текстом письма Наполеона к Александру I и ответом Александра I,⁶⁹то есть теми самыми документами, которые только упомянуты в первой фразе предыдущего наброска начала и которые рассказывают о назревавшем конфликте между Россией и Францией и подводят к началу действия самого произведения. Действие открывается великосветским балом, где присутствует Александр I, который «был озабочен, что могли заметить толь-

⁶⁷ O'Meara, «Napoleon in exile or a voice from St. Hélène», London, 1822 (O'Меара, «Наполеон в изгнании, или голос со св. Елены»).

⁶⁸ Письмо А. И. Эртелю от 15 января 1890 г. – т. 65, стр. 4—5.

⁶⁹ См. т. 13, стр. 58.

ко самые приближенные к нему люди. Причину же озабоченности его знали только те некоторые, которые были призваны к составлению ответа императору Наполеону». Среди присутствующих на бале названы князь Куракин, его сын-овья, «ротмистр граф Зубцов, приехавший из турецкой армии и нынче произведенный в флигель-адъютанты», князь Кушнев, «урожденная Княжнина, фрейлина, известная своей красотой, только что вышедшая за молодого князя Кушнева; одного из самых богатых людей России, числившегося при дворе, но нигде не служившего», и, наконец, «мало известная дама, жена свитского офицера поручика Берга». Перечисленные лица, хотя и с существенными изменениями, но уже связываются с будущими героями «Войны и мира». Граф Зубцов напоминает князя Андрея, отчасти внешностью (но не поведением), своим положением в свете и, главным образом, дружбой с молодым князем Кушневым, будущим Пьером. Два друга очень обрадовались встрече, и князь Кушнев начал сразу разговор о Наполеоне. «Ну, а что ты скажешь про Бонапарте? А? его здесь называют императором Наполеоном, но я его не признаю, и для меня это всё еще *un mauvais drôle*,⁷⁰ от которого долго не будет людям покоя». В атмосфере преклонения перед всем французским, описанной Толстым во вступлении и отмеченной при описании бала («Нечего упоминать, что всё говорилось только по-французски», — заметил Толстой по поводу встречи гостей

⁷⁰ [злой шутник,]

хозяевами), отрицательное высказывание о Наполеоне сразу выделяет этого героя самостоятельностью суждений из среды, в которой только отпечатывались настроения и суждения придворной верхушки. Фрейлина Княжнина, хотя она здесь никак не связана с князем Василием, несомненно, предшественница Элен, а черты воспитанницы князя Куракина, молодой жены Берга, сохраняются в образе Веры Ростовой. Упомянут еще в варианте «старичок» Волхонский, с которым князь Кушнев «вступил в ожесточенный спор о Наполеоне». Быть может, Толстой хотел вывести в такой роли на бале старого князя Волхонского, будущего князя Болконского.

Познакомив с присутствующими на бале гостями, которым надлежало играть в произведении основные роли, Толстой перешел к описанию поведения каждого из присутствующих, ввел рассказ о дурной репутации Петра Куракина, – и на этом набросок оборвался. В дальнейшей работе Толстой воспользуется этой рукописью при описании первого бала Наташи Ростовой, но в данный период вариант начала не получил дальнейшего развития и был отброшен.

Видимо, попытка дать вступление с характеристикой эпохи не помогла автору развернуть действие на уже определенном фоне, и он снова возвращается к приему, намеченному в первых набросках: начать действие сразу. Но, быть может, вступление, в котором Толстой охватил весь период от Тильзитского мира до вновь возникшего осложнения между государствами, навело его на мысль и действие в произведе-

нии начать не с кануна Отечественной войны, а с периода между двумя войнами. В новом, пятом, варианте действие начинается в 1808 г. и перенесено из Петербурга в Москву, в дом графа Простого (под этой фамилией выведен здесь будущий граф Ростов). Толстой набросал несколько строк: «В Москве 1 января 1808 года у графа Василия Андреевича Простого обедали за именинным обедом родные и гости. Всех сидело за обедом с детьми и гувернерами и гувернантками 32 человека. Обед приходил к концу». Опять, как в трех первых вариантах, попытка начать действие с собрания людей, где должна завязаться беседа по злободневным политическим вопросам, которая должна ввести в эпоху. Написанные строки тут же зачеркиваются, и у Толстого возникает мысль предпослать своему произведению предисловие и поделиться с читателем трудностями, возникшими в процессе работы.

В этом предисловии, писавшемся не позднее конца 1863 г., Толстой определяет замысел произведения, как «историю из 12-го года», которая все яснее становилась для него и «настоятельнее и настоятельнее просилась в ясных и определенных образах на бумагу». Он пытается объяснить причины неудач в своей работе. То ему казался «ничтожным» прием, которым он начинал, то он сознавал невозможность «захватить всё», что знал и чувствовал из того времени, то «простой, пошлый литературный язык и литературные приемы романа казались... несообразными с величествен-

ным, глубоким и всесторонним содержанием», то становилась противна необходимость «выдумкой связывать те образы, картины и мысли», которые «сами собой родились» в нем. «Больше всего меня стесняют, – пишет Толстой, – предания, как по форме, так и по содержанию. Я боялся писать не тем языком, которым пишут все, боялся, что мое писанье не подойдет ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории, я боялся, что необходимость описывать значительных лиц 12-го года заставит меня руководиться историческими документами, а не истиной, и от всех этих боязней время проходило, и дело мое не подвигалось, и я начинал остывать к нему». Предисловие является бесспорным доказательством того, что в самом начале работы перед Толстым стояла «необходимость описывать значительных лиц 12-го года», т. е. замысел ввести в роман исторических деятелей появился в самый, ранний период работы. Еще один важный вывод можно сделать из этого. предисловия: тревога Толстого, что при описании исторических деятелей ему придется «руководиться историческими документами, а не истиной», со всей очевидностью говорит о том, что Толстому надо было в отношении исторических событий и лиц сказать свое новое слово, отличное от того, какое он мог найти в ту пору в тенденциозно составленных: работах дворянских и буржуазных историков. Предисловие Толстой закончил признанием, что, «помучившись долгое время», он «решился откинуть все эти боязни» и писать только то, что

ему «необходимо высказать, не заботясь о том, что выйдет из всего этого» и не давая своему труду «никакого наименования».

Непосредственно за предисловием вписано заглавие, очевидно первой главы: «Именины у графа Простого в Москве 1808 года».⁷¹ Действие происходит в доме графа Простого; семья графа, обстановка за именинным? столом напоминают известные главы первой части заверщенного романа. Но не семья графа Простого в центре внимания автора, так же как не семья князя Волхонского в наброске «Три поры». Рассказ с первой, же фразы начинается спором молодого Безухова с гостями о Наполеоне. «Споривший юноша» Леон – «единственный сын князя Безухого, наследник 40 тысяч душ и огромных капиталов бабки». «Он спорил со всеми. Все были против него», но «сердитее» всех он обращался к «старичку в звезде и белом галстуке с завалившимся лбом и выдвинутой обезьяней нижней челюстью... Это был князь Василий». Почти отталкивающая внешность князя Василия и ряд замечаний о нем других действующих лиц; разъясняют отношение автора к этому персонажу.

Таким образом, изменив обстановку, Толстой ввел в действие знакомых по предыдущему варианту и князя Василия и молодого Безухого. Среди гостей за обедом у графов Про-

⁷¹ Пятый вариант начала опубл. т. 13, стр. 169—172, но не в его первоначальном виде, а с исправлениями, сделанными после того, как Толстой перенес ату рукопись в состав следующего варианта начала. Предисловие, непосредственно связанное с пятым вариантом начала, опубл. отдельно там же, стр. 53, вар. 1.

стых присутствуют также сыновья князя Василия и молодой паж Борис Мещерин. В центре – спор о Бонапарте; будущий Пьер опять высказывает мнение о Наполеоне, противоположное утвердившемуся в высшем обществе. «Спор разгорался всё более и более». Так закончился этот вариант начала.

В шестой раз Толстой начинает роман (рукопись № 47). На новом листе появляется новое заглавие «День в Москве», и затем – тут же зачеркнутый подзаголовок «Именины в Москве 1808 года».⁷² Действие открывается также в доме графа Плохого (вместо простого), но не с именинного обеда, за которым разгорается спор, а утром того же дня. На полях первой страницы имеются конспективные записи к содержанию ближайших глав.⁷³ Среди них читаем: «За обедом умный и тонкий разговор о политике... Иван Куракин, Берг за правительство... Большие и малые о Бонапарте».

Текст нового варианта разделен на девять небольших глав. В первых четырех описаны дом и семья графа Плохого. И характеристики, и обстановка, и гости, приезжающие поздравлять, и сцена вбежавших в гостиную детей с куклой, взаимоотношения между детьми – все близко к окончательному тексту. В пятой и шестой главах действие переносится из до-

⁷² Опубл. т. 13, стр. 150—173, вар. № 19.

⁷³ Опубл. т. 13, стр. 150, прим. 1. Постоянно появляющиеся во всех рукописях заметки на полях, эти отражения творческих размышлений автора, являются значительным подспорьем для анализа хода мысли писателя.

ма графа Плохого в дом умирающего графа Безухого, и здесь читатель знакомится с княгиней Анной Алексеевной Щетиной (впоследствии Друбецкой), которая приехала вместе с сыном Борисом и «чувствовала гордость, исполняя свою тяжелую для нее обязанность». Тут же Толстой раскрывает суть ее обязанности: «Ежели бы ей у умирающего пришлось отрезать палец для того, чтобы вместе с пальцем получить состояние, обеспечивающее сына, она ни на минуту бы не задумалась». Образ будущей княгини Друбецкой автору ясен. Сюда же перенесены персонажи, наметившиеся в предыдущих вариантах: князь Василий, выведенный здесь под фамилией Позоровского, «светский дипломат», занимавший «одну из высших должностей, приехавший за тем же, за чем княгиня Щетинина», и молодой граф Безухий, именуемый в этом варианте Аркадием. Довольно подробно характеризуя Аркадия, Толстой отмечает, что он «слишком тонко чувствовал», был «добр и мягок», и всем поведением и образом мыслей выделялся из окружающей его среды: он «был пропитан новыми идеями того времени, он был и мистик, и либерал, крайний либерал 1794 года, и поклонник Бонапарта». Представив Аркадия Безухого поклонником Наполеона, Толстой отразил отношение прогрессивной части русского дворянства к Наполеону в первые годы его прихода к власти. Таким будет выведен Пьер и в законченной первой части романа.

Сцена в кабинете умирающего графа Безухова наполнена

отдельными деталями, которые со всей очевидностью раскрывают отрицательное отношение автора к высшему свету. Граф Безухий «умирал, но все условия света были для него так же неизбежно обязательны, как прежде», – отметил Толстой.

Связывая все содержание с темой войны, Толстой стремится ввести злободневные политические темы даже в разговор умирающего графа Безухого с княгиней Щетиной, которая далека была от интересов государства и занята только мыслями о личном благополучии. Граф Безухий «стал говорить про дела нынешнего царствования, про Сперанского», рассказывал о том, что сын говорил ему «про Бонапарта, его распоряжения, про дух французов».

Последние три главы посвящены именинному обеду у графа Простого. Описаны съехавшиеся к обеду гости: кузен графини Простой, желчный, известный умник Шеншин, гвардейский офицер Берг, Борис Щетинин, затем князь Василий. В резко обличительном тоне продолжает Толстой рисовать облик князя Василия, направляя главное внимание не столько па его внешний портрет, как это было в предыдущем варианте, сколько на внутреннюю фальшь этого персонажа.

Среди собравшихся гостей шел разговор о последних политических событиях, об эрфуртском свидании, спор о Наполеоне и о неизбежной войне. В это время вошел молодой Безухов и вступил в разговор. Доведя свой новый вариант начала до назревавшего спора, Толстой присоединил к нему

в виде продолжения (глава 8) предыдущий вариант, который открывается происходящим за именинным обедом спором.

Теперь в присоединенной рукописи все сидящие за столом лица уже хорошо знакомы читателю, чего не было в предыдущем варианте. Объединив две рукописи, Толстой продолжил текст, написав еще одну, девятую, главу. «Спор о Наполеоне, о Тильзитском мире, о Эрфуртском свидании, о достоинствах Бонапарта продолжался весь обед», – так начинается новая глава. «Князь Василий отстал от спора, не находя его для себя приличным; тем более, что в последнее время в Петербурге все возгорелись энтузиазмом к Франции и Наполеону, и князь Василий, чуткой всегда на политические *mot d'ordre*,⁷⁴ теперь, получив назначение в Петербург, называл Бонапарта уже императором Наполеоном и профессионально к нему высокое уважение». Шеншин продолжал спорить, резко осуждая возникавшее в России после Тильзитского мира преклонение перед Наполеоном. Князь Василий был в споре «выведен почти из себя».

На этом прерывается политический спор за обедом, и Толстой перешел к другим участникам обеда – детям. Написан известный по окончательному тексту эпизод с Наташей, смело спросившей о сладком блюде, и конспективно изложен дальнейший текст вплоть до разъезда гостей от графов Простых.

Текст обрывается на полуфразе. Очевидно, он был

⁷⁴ [лозунги,]

несколько продолжен, по точно установить это не удастся. Рукопись частично была использована позднее при создании последней редакции соответствующих глав первой части, отдельные листы могли быть перенесены в новую рукопись, а быть может, утрачены.

Шестым вариантом начала закончился первый период работы, то есть период создания «Истории из 1812 года».

Последняя рукопись создавалась, очевидно, в конце 1863 – начале 1864 г. С. А. Толстая писала родным 16 декабря 1863 г.: «Лева опять перевел кабинет вниз и целый день пишет. Он свою рукопись оставил у папа в кабинете. Просит сберечь и переслать нам». Толстой сам тут же добавил: «поскорее». 19 декабря Толстой извещал И. П. Борисова: «Я всё пишу длинный роман, который кончу, только ежели долго проживу».⁷⁵ Из писем Толстого к сестре Марии Николаевне от 20 января и 24 февраля 1864 г. известно, что в то время он все еще называет свою работу «романом из 1812 года». Следовательно, ко времени пребывания его в Москве 6 — 16 декабря 1863 г. могли относиться только рукописи, содержание которых непосредственно относится к 1812 г. Таких рукописей (кроме двух списков действующих лиц) четыре: «Три поры», два варианта, начинающиеся с бала в 1811 г., и, наконец, «День в Москве». Последняя рукопись по объему самая большая (18 листов; рукопись № 47), и создавалась она, видимо, в течение продолжительного времени. Приве-

⁷⁵ Т. 61, стр. 27

денные данные позволяют предположить, что именно эта рукопись или какая-то часть ее была автором забыта в Москве в декабре 1863 г.

К этому же периоду работы относятся, очевидно, конспективные заметки, сделанные на листке, содержащем также текст записки к Т. А. Ергольской, датированной 4 декабря 1863 г. (рукопись № 3).⁷⁶ Действующее лицо с именем Аркадий связывает эти заметки с рукописью «День в Москве», упоминание же о Сперанском свидетельствует, что автор относил содержание заметок не ранее, чем к 1808 г.; намеченное действующее лицо Федор, 16 лет, связывает набросок со следующим вариантом начала, в котором сын графа Простого назван Федором.

Почти год прошел с тех пор, как Толстой приступил к новому произведению, но работа все не налаживалась. В процессе создания шести вариантов начала, в особенности последнего, довольно ясно сложились образы некоторых из основных героев, написаны картины быта, правда пока еще только в доме графа Простого и отчасти в доме старого графа Безухого, — все это и по содержанию и по композиции уже близко напоминает главы X—XIX первой части законченного романа, однако действие в них не развивается, и появляющиеся одна за другой рукописи новых начал произведения во всех случаях обрываются на спорах действующих лиц по острым политическим вопросам времени.

⁷⁶ Опубл. т. 13, стр. 22—23, вар. № 4.

Каждая из рассмотренных рукописей с полной убедительностью доказывает, что не на хронике двух дворянских родов сосредоточивал автор внимание и что не потому он отбрасывал вариант за вариантом, что не находил яркого описания этих семейств, их быта и нравов. Причина новых и новых поисков лежала в том, что Толстому не удавалось, должно быть, найти такую сюжетную завязку, которая обеспечивала бы возможность планомерного развития действия исторического романа. Ни в Лысых Горах, ни на петербургском бале у знатного вельможи Толстой не мог собрать для серьезного политического спора на злободневные темы общество людей различных направлений. Гости, съехавшиеся на именины к московскому графу, по своему общественному положению, далекому от придворных великосветских кругов, также не создали, как и Лысые Горы, той благоприятной среды, которая нужна была для показа различных общественных мнений. Использованная в четвертом варианте попытка развернутого исторического вступления с характеристикой эпохи также была отвергнута.

В седьмом варианте Толстой начинает произведение иначе – сразу с войны, еще раз отодвигая начало действия в глубь истории, от 1808 года к первой войне России с Наполеоном. Это был тот «третий раз», когда Толстой отодвинулся назад, теперь с целью показать, что «сущность характера русского народа и войска», бывшая «причиной торжества в Отечественной войне 1812 года», должна была «выразиться

еще ярче в эпоху неудач и поражений». Если бы Толстой задумал писать семейную хронику, вряд ли в поисках начала пришла бы ему мысль открыть действие батальной сценой и ввести в текст философские рассуждения о войне и военной истории.

Содержание седьмого варианта начала (рукопись № 46) таково: Ольмюцкий смотр, состояние русской армии перед Аустерлицким сражением, авторские отступления с оценкой исторических событий и изложением взгляда на роль личности в истории и на другие вопросы исторического процесса, наконец самое Аустерлицкое сражение.⁷⁷ Действующие лица в этом варианте: молодой граф Федор Простой (будущий Николай Ростов), Борис Горчаков, Берг и Андрей Волхонский. Эти имена и ряд других деталей сближают анализируемый вариант с предыдущими: «Три поры» и «День в Москве». Из них заимствовал Толстой материал для характеристики действующих лиц, а также некоторые подробности об их семьях

⁷⁷ Оpubл. т. 13, стр. 95—149, вар. №№ 13—17. Начало вар. № 14 относится к более позднему этапу работы. При публикации всей рукописи в т. 13 не разделены слои авторских правок, относящиеся к разному времени. Из-за смешения слоев создалась путаница имен: то Волконский, то князь Андрей, то Простой, то Ростов. Утвердившиеся в окончательном тексте имена автор вводил в эту рукопись значительно позднее, когда пытался использовать ее для третьей части первого тома романа. Много совершенно правильных предположений сделал в отношении седьмого варианта начала А. Е. Грузинский (см. «Новый мир», 1925, № 6, стр. 12—14), однако ему не удалось подобрать всей рукописи полностью, и он анализировал лишь отдельные отрывки. Совершенно неожидан вывод Грузинского, что при создании этого варианта интересы «мира» все еще заметно перевешивали элементы «войны».

и много отдельных деталей.

В этом варианте впервые вводятся исторические деятели: Кутузов и Багратион, Александр I, Наполеон, австрийский император Франц и другие участники первой войны России с Наполеоном.

«12 ноября 1805 года русские войска, под командой Кутузова сделавшие отступление к Бонну под напором всей армии Мюрата, в Ольмюце готовились на смотр австрийского и русского императоров», – так начинается Толстой новый вариант. Кутузовская армия уже стояла под Ольмюцем и ожидала гвардию. Точно определив место исторического действия, хронологическую дату начала его, Толстой знакомит читателя с действующими лицами. Пользуясь чертами, найденными в процессе предыдущей работы, он создает образы, значительно приближающиеся к окончательному тексту, а некоторые сцены даже дословно совпадающие с ним.

В этом варианте впервые подробно нарисован образ князя Андрея. В письме к Луизе Волконской от 3 мая 1865 г. Толстой рассказал, как постепенно созревала образ князя Андрея и как выяснялась его роль в романе. «В Аустерлицком сражении, которое будет описано, но *с которого я начал роман* (курсив наш. — Э. З.), мне нужно было, – писал Толстой, – чтобы был убит блестящий молодой человек; в дальнейшем ходе моего романа мне нужно было только старика Болконского с дочерью; но так как неловко описывать ничем не связанное с романом лицо, я решил сделать блестящего молодого

го человека сыном старого Болконского». Рукописи подтверждают этот процесс в работе. Начиная с седьмого варианта, закреплён образ князя Андрея и определена его роль для первых частей романа. После описания Ольмюцкого смотра Толстой приводит отсутствующие в законченном романе толки в армии «о Бонапарте и о том, как ему плохо придется теперь, особенно когда подойдет еще корпус Эссена и Пруссия пришлет резервы. Австрийцев ненавидели... говорили, что они изменяют».

Необходимо подробнее остановиться на этом варианте начала, играющем важную роль в решении вопроса о первоначальном замысле романа «Война и мир». Он важен и для подтверждения тезиса, что «война» и «мир», две стороны исторической жизни того времени, развивались в романе уже на первых стадиях работы одновременно. Этот вариант начала важен и для понимания позиции автора в отношении описываемых им исторических событий и лиц. В анализируемой рукописи имеются упоминания и ссылки на работы А. И. Михайловского-Данилевского и Тьера, которые были широко использованы Толстым при создании седьмого варианта начала. Все даты, исторические факты, имена участников Аустерлицкого сражения, описание обстановки, предшествующей сражению, самый ход сражения в его основных чертах, и даже погода, которая была в тот день, – все это построено на материале книги А. И. Михайловского-Данилевского о войне 1805 г. Извлекая из исторических источников

фактические данные, Толстой следовал своему неизменному правилу: при создании исторических произведений до мельчайших деталей быть верным действительности. Конечно, ни в одном из печатных источников того времени не мог Толстой найти свидетельств или документов, прямо говорящих о трудностях и неблагоприятных условиях, в которых приходилось действовать Кутузову, уже в период первых войн с Наполеоном проявившему свой полководческий талант. В освещении событий Толстой стремился следовать правде истории. Это со всей силой отражено в анализируемом варианте начала. В разговоре с Борисом Волхонский рассказывает о положении в штабе перед Аустерлицким сражением: «...теперь все заняты и растеряны, как никогда. Немецкая партия требует наступления. Им всё равно, разбиты ли мы будем или нет... У нас с утра до вечера то шпионы, то лазутчики. И верить им надо... И нельзя гонять их, надо приличия соблюдать... Ежели бы они были одни, Михаил Илларионович мог их прогнать, а теперь нам их присылают из главной квартиры». С подчеркнутой иронией и с открытым возмущением Толстой описал штабную военщину и ее иностранных представителей на военном совете. Он исторически верно показал, как в штабе, вопреки воле Кутузова, решено было дать сражение, на котором настаивали Александр I и австрийский император Франц, и был принят план Вейротера, приведший к поражению.

Отмечая полное отсутствие единства в военном руковод-

стве, Толстой противопоставляет ему абсолютное единство в войске, где все слиты, где есть «только артиллерия, пехота, конница... Каждый член этих громад помнит всё и вполне забывает себя». И дальше в этой рукописи Толстой уделяет много внимания настроению солдат, показывая, как велика в войне роль народа, который добывает победу. Исключительной сосредоточенности в штабе на личных интересах он неоднократно противопоставляет отрешенность от всего личного в войске, которое готовилось к сражению и, «страдаая, поднималось духом». «Душа армии... становилась сосредоточеннее, звучнее, стекляннее, — пишет Толстой, — строгая и величественная одна, всё одна нота, неизменно как шум моря, с каждым шагом вперед и с каждым звуком выстрела всё слышнее и слышнее становилась каждому сердцу». Со всей решительностью выдвинут в этом раннем варианте один из важнейших, по убеждению автора, факторов в войне — дух войска. Здесь развита мысль о том, что «вопросы военных успехов» решаются в первую очередь «уменьем обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна». А дух войска, по убеждению Толстого, приобретает тем больше силы и высоты, чем ближе и непосредственнее связь между начальниками и подчиненными. Еще до описания самого сражения Толстой собирает в фокусе те факты, которые явились причиной поражения. Одна из основных причин, утверждает Толстой, состояла в том, что в русской армии не было в 1805 г. самого

главного, что подымает и поддерживает дух войска, – не было доверия к начальникам. Армией фактически командовал австрийский штаб, а «австрийцев и их начальников, – пишет Толстой, – презирали».

Описание Аустерлицкого боя Толстой начинает взволнованной фразой: «В десять часов измена уже дала в руки Бонапарту диспозицию русских». Этим вступлением подтверждается и правота Кутузова, который после военного совета был убежден в измене союзников, и справедливость толков в войске об измене. Переходя к вражеской французской армии, где «также зашевелились все струны движения и пружины», Толстой особо останавливается на Наполеоне. «Измена давала ему победу. Презренный! – восклицает Толстой. – ...измена была таким же листом его лаврового венка, как и храбрость его солдат».

Наконец, Толстой переходит к описанию Аустерлицкого сражения. Он точно указывает количества русских и французских войск, их расположение, обращает внимание на стратегически невыгодное положение русской армии, отмечает состояние Кутузова, который «был в этот день совсем не тот главнокомандующий, каким его знали прежде в Турции и после при Бородине и Красном»; подчеркивает отрицательную роль Александра I, торопившего с наступлением. Тут же приводит знаменитые слова Кутузова, обращенные к Александру: «Мы не на Царицыном лугу. Оттого-то и не начинаю», – отвечал Кутузов императору на его требование,

«и лицо, вечно насмешливое, оскорбило государя». Чувство безудержного гнева звучит в устах Толстого, когда он говорит об «австрийских колонновожатых», которые были причиной поражения под Аустерлицем, – о тех самых, которые «на другой день чистили себе ногти и отпускали немецкие вицы, и умерли в почестях и своей смертью, и никто не позаботился вытянуть из них кишки за то, что по их оплошности погибло двадцать тысяч русских людей и русская армия надолго не только потеряла свою прежнюю славу, но была опозорена».

Дав свое, исторически правдивое освещение всей обстановки, Толстой переходит к описанию боя. Несмотря на конспективность первого эскиза, картина боя создана с огромной силой творческого напряжения. Сначала показана свита с двумя императорами во главе. «В свите большинство ничего не понимало: что идет? куда? зачем? где правый, где левый фланг?... Только государи и ближайшие к ним, видимо, понимали и интересовались чем-то, и были различных мнений с Кутузовым». Далее показана начавшаяся вдруг паника. Поведение императоров и свиты отмечено двумя краткими красноречивыми фразами: «...куда ни посмотрите, везде испуг и страх... На горе была толпа панашей бегущих, государи впереди. Австрийцы бежали».

В совершенно иной роли выступают в момент опасности Кутузов и Волхонский. В конспекте намечено: «Волхонский к Кутузову. Кутузов говорит: Посмотрите, они бегут. Вол-

хонский всё понял... Волхонский испугался, как никогда в жизни, и ему стало стыдно и гадко. Он бросился вперед собирать солдат». Гусар Толстой (будущий Николай Ростов) «видел, как Волхонский исчез на лошади и упал со знаменем. Он взглянул на Толстого. Этот взгляд был и мир, и любовь, и значение».

Так же конспективно намечены конец сражения и различное поведение его участников: «Начальство скачет мимо», а сражение ведут до конца Дохтуров и Ермолов. Из «полувымышленных» героев «Волхонский исходит кровью», «Борис идет к командиру полка; Берг интригует». И далее, вопреки дворянской историографии, которая пыталась умалить вину Александра I в поражении под Аустерлицем, Толстой отметил в конспекте: «Всех обвиняют в штабе, кроме себя».

На этом заканчивается седьмой вариант начала, написанный не позднее марта—апреля 1864 г. Создавая вариант начала, открывающийся описанием военных событий, Толстой был настолько поглощен волновавшими его общими мыслями, вылившимися в авторское отступление, что не создал в полной мере необходимой художественной формы. Быть может, отчасти это обстоятельство заставило прервать работу. «Нехорошо в беллетристике – описание от лица автора. Нужно описывать, как отражается то или другое на действующих лицах», – говорил Толстой в старости.⁷⁸ Это требование всегда было одним из принципов его художественного мастер-

⁷⁸ «Литературное наследство», № 37-38, М. 1939, стр. 533.

ства. Можно предположить также, что автор прервал дальнейшую работу над данным вариантом еще и потому, что ему понадобился пролог к центральному действию, то есть надо было ближе познакомиться с главным действующим лицом, которому предстояло показать пример героизма и погибнуть со знаменем в руках на Аустерлицком поле. Во всяком случае рукопись была отложена, и начались новые поиски.

С большой долей вероятности можно допустить, что именно теперь Толстой вернулся к самому раннему наброску начала, озаглавленному «Три поры», в котором действие начинается в Лысых Горах в 1811 г. Он стал перерабатывать старый текст применительно к новому замыслу. Встречавшиеся в нем даты 1811 г. заменены 1805 г.; введены новые эпизоды, характеризующие старого князя и его отношения с дочерью и слугами, затем продолжен текст рукописи: в Лысые Горы приезжает Анатолий Курагин, которого отец намерен женить на княжне Марье, намечена интрига между ним и м-ль Бурьен (то есть всё то, что станет потом темой третьей главы третьей части) и, наконец, введен рассказ о приезде в Лысые Горы князя Андрея с беременной женой. «За обедом говорили о войне», – переходит Толстой к установившейся во всех набросках начала теме беседы собравшихся гостей. Далее конспективно изложены события следующего дня – именины старого князя и, наконец, прощание князя Андрея с отцом, женой, сестрой и отъезд его в армию.

Дополнив так свою старую рукопись, Толстой связал ее с только что созданным седьмым вариантом начала. «Не один князь Андрей прощался перед войной. Война чувствовалась тогда во всем», – так начал Толстой связку между восьмым и седьмым вариантами начала романа и дал очень сжатый обзор событий к моменту вступления России в войну 1805 г. И тут автор выступает не как бесстрастный летописец: он не упустил случая подчеркнуть, что в придворных кругах «все парадно, торжественно, уверенно», а в народе в это же время ходят толки о том, что Наполеон уже побил австрийцев, а «молва всегда предсказывает».

Присоединив раннюю рукопись к только что созданной, Толстой на полях последней вписал еще одну связку: «Не один князь Андрей тогда простился с семьей... и весело и бодро скакал куда-то туда, где ему казалось, что его ждет слава, а где ждала, может быть, смерть. Много было семей, оплакивавших своих сыновей, мужей, братьев». Далее изображен отъезд в армию Николая Простого. О его семейных говорится как о знакомых уже читателю людях. Это дает право допустить, что к этим двум рукописям была присоединена еще одна, содержащая шестой вариант начала, где описана семья графа Простого. В новом варианте, соединившем три в разное время созданные рукописи, наметилась стройная композиция первой части, приближающаяся к окончательной редакции ее. Две семьи, Простые и Волконские, – в обоих домах к моменту начала действия ведутся напряженные спо-

ры о Наполеоне и надвигающейся войне; сыновья Простых и Волконского уезжают на войну. Пролог к Аустерлицу закончен. Теперь естественен переход к войне, где впервые вместе с историческими деятелями участвуют знакомые читателю частные, вымышленные лица. Так Толстой впервые связал «мир», картины которого только начали рождаться, с «войной». Создался восьмой вариант начала. Однако и он отложен.

В цитированном выше письме к княгине Волконской Толстой писал о том, что «блестящий молодой человек», который, по первоначальному замыслу, должен был быть убит в Аустерлицком сражении, «заинтересовал его», что «для него представлялась роль в дальнейшем ходе романа» и что поэтому Толстой «его помиловал, только сильно ранив его, вместо смерти». Повидимому, непосредственно к этому возникшему замыслу, связанному с князем Андреем, относятся следующие три варианта начала (рукопись № 48).⁷⁹ Роман открывается сценой обеда у молодых Волконских. Опять несколько отодвинуто начало действия. Вместо ноября, кануна Аустерлицкого сражения, действие происходит летом 1805 г., в то самое время, когда Россией была только объявлена первая война еще не признанному тогда императором Наполеону, когда «в Петербурге во всех гостиных только и было речи про Буонапарте, его поступки и намеренья». Так начался девятый вариант. В нем и в следующих трех в центре

⁷⁹ Опубл. т. 13, стр. 174—177, 181—183, 178—181, вар. №№ 20—21, 23, 22.

внимания князь Андрей и его друг Пьер, вокруг которых организуется основная общественная тема. Картин семейной жизни Лысых Гор и дома Ростовых совсем нет. Опять возникают за обедом у князя Андрея споры о преобразованиях, конституции, о войне и Наполеоне. Каждый из указанных трех набросков обрывался на изложении все тех же споров между собравшимися гостями. На очереди – двенадцатый вариант начала (рукопись № 48). Многое уже ясно автору. Теперь установлено не только время начала действия, но весь период – десятилетие, – который, по определившемуся тогда замыслу, должен быть отражен в романе. Появилось заглавие: «С 1805 по 1814 год». Далее вписано: «Роман графа Л. Н. Толстого». Произведение должно состоять из нескольких частей; первая озаглавлена: «1805 год».⁸⁰

Двенадцатый вариант начала имеет одну особенность, важную для изучения замысла романа. В нем отражена связь «Войны и мира» с «Декабристами» и, главное, непосредственная преемственность Пьера от главного героя «Декабристов». «Тем, кто знали князя Петра Кириловича Б. в начале царствования Александра II, в 1850-тых годах, когда Петр Кирилыч был возвращен из Сибири белым как лунь стариком, трудно бы было вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из-за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспи-

⁸⁰ Опубл. т. 13, стр. 184—197, вар. № 24.

тание». Первой фразой нового варианта определен один из главных персонажей произведения и сообщено заранее будущее этого героя.

Содержание всего варианта: характеристика Пьера, введенного здесь под фамилией Медынского, времяпрепровождение его с Анатолом Курагиным и взаимоотношения с адъютантом петербургского генерал-губернатора Андреем Волконским, «с которым он был не только дружен, но к которому, несмотря на совершенное различие характеров и вкусов, он имел то страстное обожание, которое так часто бывает в первой молодости»; характеристика князя Андрея, его жены, описание их дома; обед у князя Волконского 20 июля 1805 г., на котором присутствуют: какая-то барышня, старичок-иностранец – аббат и молодой чиновник, принадлежавший «к клике Сперанского». Разговор за обедом «зашел о том, о чем все тогда говорили... о преобразованиях, замышляемых в России, о конституции». Во время подробно переданного разговора «чиновник изложил свои преобразовательные бюрократические соображения, Pierre – свою либеральную философию, аббат свои новые идеи народного права и политического устройства». Под конец, когда разговор перешел на войну – на «любимое» князя Андрея военное дело, князь Андрей «завладел» разговором. Заканчивается вариант высказываниями Пьера и князя Андрея о Наполеоне, принципиально не отличающимися от их отношения к Наполеону, отраженного в первой части окончательного текста.

И двенадцатый вариант отброшен.

После долгих поисков Толстой возвратился к историческому вступлению, с которого он дважды пытался начинать роман. «Время между французской революцией и пожаром Москвы» – вот те широкие границы, которые поставлены для нового вступления, открывающего тринадцатый вариант начала (рукопись № 49). Опять Толстой стремится в самом начале дать свою оценку историческим событиям и государственным деятелям той эпохи. В нескольких строках он сатирически представил завоевательную политику Наполеона и почти в карикатурном виде описал внешность завоевателя, даже не называя его имени: «...маленькой человечек, в сереньком сюртучке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками», подчеркнул мнимое величие этого «человечка», который старался «раздуваться в сообразное по его понятиям величие положения». От Наполеона Толстой перешел к первым годам царствования Александра I, показав, что и он мечтал об европейской гегемонии.

Далее Толстой полемизирует с теми историками, которые, записывая в свою летопись только события, отраженные в документах, воображают, что пишут «историю человеков». Заканчивая вступление, автор заявляет, что героями его произведения будут не государственные люди, которые оставляют следы в документах, а обыкновенные люди, которые оставляют в истории значительно бóльшие следы, но

которых историки не замечают. Позднее Толстой определит свою работу над «Войной и миром» как стремление «писать историю народа».

За большим предисловием, раскрывающим позиции автора, следует начало действия, которое открывается в салоне фрейлины, будущей Анны Павловны Шерер. Всё приближается к началу первой главы окончательного текста. И тут на полях многозначные для нас записи: «Переписка о войне, война во всем». «Князь Василий при смерти подл» (то есть при смерти графа Безухого). Так намечен план дальнейшего повествования. Только этот, тринадцатый, вариант Толстой дал в переписку. Начался обычный процесс переделок и переработок. На полях копии вновь появляются характерные заметки: «Взгляд высшего общества на Бонапарта, на причину и необходимость войны». Это – темы предстоящей беседы в салоне фрейлины. Найдена та благоприятная обстановка, которая была нужна автору для начала его романа, чего не удавалось сделать ни в одном из предыдущих вариантов.

Исправляя копию этой рукописи, то есть работая над четырнадцатым вариантом начала (входит в рукопись № 51), Толстой навсегда отбросил историческое вступление. Затронутые в нем события получают впоследствии то же освещение в авторских отступлениях, которые с седьмого варианта начала занимают в композиции романа важное место.

В последнем, пятнадцатом, варианте начала действие открывается описанием известного всем салона фрейлины,

именуемой пока Annette D.

«Всегда страшно начинать, когда дорожишь мыслью, как бы ее не испортить, не захватать дурным началом»,⁸¹ — писал Толстой в 80-х годах. Эта тревога владела им и тогда, когда он приступил к роману «Война и мир».

Из пятнадцати вариантов начала, создававшихся в течение более чем года, *четыре* начинаются с развернутого вступления, в котором высказана авторская оценка исторических событий, а затем переход к собравшемуся обществу людей, где разгораются споры на политические и общественные темы; *один* начинается с кануна Аустерлицкого сражения и целиком посвящен изображению этого главного сражения в войне 1805 г.; *десять* — открываются непосредственно изображением собравшегося общества, где ведутся беседы и возникают споры по жгучим вопросам времени; основная тема бесед — предстоящая война.

В процессе поисков начала обозначились образы ведущих героев, наметились некоторые основные черты композиции произведения, обрисовались контуры тех его разделов, которые нужны художнику для того, чтобы «выдумкой связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою родились» в нем.

Из перечисленных вариантов начал явствует, что в задуманном произведении исторические, общественные события мыслились автором не как фон, на котором происходит

⁸¹ Письмо к С. А. Толстой от 29—30? апреля 1888 г. — т. 84, стр. 44.

действие, а как основная проблема, как само действие и как та конкретная исторически правдивая среда, в которой живут и действуют герои.

Поиски начала закончились.

V

Наступила новая полоса напряженной творческой работы, о которой Толстой вспоминал как о периоде «счастливого самоуверенного труда». ⁸² В этот период до 16 сентября 1864 г. Толстой не вел Дневника. Немногочисленные упоминания в письмах мало раскрывают процесс работы над первой частью. Единственным источником для установления его являются самые рукописи (работа над первой частью представлена рукописями №№ 49—53). Вначале Толстой писал небольшими отрывками, тут же отдавая их в переписку, и, исправив по копии написанное, продолжал постепенно двигаться все дальше и дальше. Первая рукопись, с которой началась плановая работа над романом, содержит лишь начало беседы Annette D. с приехавшим к ней на званый вечер князем Василием. ⁸³ Характеристика будущей Анны Павловны только теперь начала создаваться, и в этом эскизе принципиаль-

⁸² Письмо к Н. Н. Страхову от 25 ноября 1870 г. – т. 61, стр. 242.

⁸³ Оpubл. т. 13, стр. 198—201 (до слов: «Она делалась оживлена, красноречива и увлекательна»). Весь текст вар. № 1 (т. 13, стр. 198—221), опубликованный ошибочно как самостоятельная рукопись, фактически состоит из отдельных частей трех рукописей.

ных отличий от окончательного текста нет. Князь Василий вполне определился в процессе предыдущей работы и теперь занял прочное место. Предстояло детализировать отдельные его черты и, ведя дальше повествование, развивать этот образ.

Приступая к правке копии первого наброска, Толстой тут же на полях первого листа делает пометы, раскрывающие авторский замысел продолжения: «NB. вечер во всем разгаре. Разговоры с разных сторон. С одной, о идеалистическом направлении двора нашего и антагонизме имп[ератрицы] матери и Александра. С другой, рассказ о Енгиенском; с третьей, о дворе и интригах. Всё размерено». Намечены темы разговоров на вечере фрейлины, которые будут развиты в первых пяти главах первой части. Определен также план дальнейшего развития романа:

«Обзор политических событий и [*1 неразобр.*]

Нота 28 августа.

Новосильцев в Париже.

Ругают Австрию.

Благодеяния государя,
тайная коалиция, войска».

Далее, очевидно для памяти себе, Толстой записывает:

«(уже в Петербурге.

В Петербурге в <августе> июле.

В Москве в сентябре.

А. М. переменить)».⁸⁴

Намеченные Толстым даты так и сохранились в окончательном тексте: в первых девяти главах действие происходит в Петербурге в июле, в следующих (X—XXIV) в Москве в последних числах августа.⁸⁵

В намеченном направлении шла работа. Исправляя копию начала, Толстой зачеркнул оставшуюся от длинного вступления фразу о том, что «первая европейская коалиция против Буонапарте была составлена», и начал роман с известной беседы фрейлины, пока еще Annette D., с князем Василием («Eh bien, mon prince...»). Последующая правка отрывка приближала его к печатному тексту «Русского вестника».

На полях второго листа вновь сделана конспективная запись, отражающая содержание беседы Annette D. с князем Василием:

«Винценгероде в Австрии.

Не так делается его дипломатия.

Зачем переговоры?

Затем, чтобы потом задавить его. Пруссия будет видеть.

Австрия подмечает.

На Англию надежды нет.

J'ai vu Novosilzoff.

Они не понимают самоотвержен[ности] государя, но доб-

⁸⁴ Возможно, последняя запись относится к Анне Михайловне Друбецкой, образ которой вырисовывался в предыдущих вариантах начала.

⁸⁵ В Москве действие начинается в день именин Натальи, то есть 26 августа.

родетель должна быть награждена».

Самые злободневные политические вопросы наполнили беседу этих двух представителей придворной знати.

Исправив копию, Толстой продолжил текст, и законченная на этот раз рукопись (13 листов) содержала почти полный текст первой главы. Не только по содержанию, но местами даже дословно первая редакция первой главы близка к тексту «Русского вестника». В отличие от него здесь князь Василий более подробно рассказывает о своих сыновьях, причем по окончательному тексту отец считает, что «оба вышли des imbeciles»,⁸⁶ в раннем же варианте он признает, что старший «глуп и очень даже глуп», но пойдет своей дорогой, а младший – Анатолий, умен и, несмотря на те же условия воспитания за границей, из него «вышло совсем другое». Далее отец рассказывает о безнравственных поступках Анатолия, причем рассказывает с явно выраженной симпатией. Рассказ князя Василия о сыне служит одновременно и дополнительной характеристикой самого князя, которого, как мы видели, Толстой с самых первых набросков стремился показать в резко отрицательном виде.

Характеристика князя Василия также более подробна в этом варианте. На полях одного из листов данной рукописи имеется такая помета: «К[нязь] В[асилий] без убеждений, фамильярный и умный, дети тягость». В таком направлении и создавался образ этого персонажа, как человека «сильного

⁸⁶ [идиоты,]

в свете и при дворе», одаренного «великим даром для успеха в том мире, где он искал успеха, даром фамильярности».

В основных чертах обрисован облик второго представителя придворной знати, фрейлины Annette D., которая была «одним из самых влиятельных лиц старого двора императрицы Марьи Федоровны». Толстой выводит ее как типичного представителя таких придворных, которые от долгого пребывания при дворе «делаются нравственными кастратами, не имеющими других интересов, как интересы своих покровителей, но которые взамен этого и утрачивают всё дурное придворной жизни – зависть, интригу, страсть к повышению». «Annette D., – определяет далее Толстой, – была верным слугою,⁸⁷ как старая собака, старый дворовый, не признающие другой жизни, как жизнь при господине или госпоже»; преданная фрейлина «думала и чувствовала только то, что думала и чувствовала ее высокая покровительница», высказывала мнения, совпадающие с царствовавшими мнениями. Такая характеристика фрейлины косвенно дополнила характеристику князя Василия, разъяснив, почему князь Василий «не мог не ценить своих отношений с нею». Знакомством читателя с Annette D. и с князем Василием, а также с намерением Annette D. посватать Анатоля к княжне Марье закончилась вторая рукопись.⁸⁸

⁸⁷ В т. 13, стр. 205, ошибочно напечатано: «верным другом».

⁸⁸ Оpubл. (продолжение – автограф) т. 13, стр. 201—205. Исправленное по копии начало, близкое к тексту «Русского вестника», не опубликовано. Указание

Снятая С. А. Толстой копия рукописи вновь подверглась значительной правке, причем внимание автора сосредоточено опять на характеристиках тех же персонажей. Толстой вносит все более и более отрицательные черты в образ князя Василия, подчеркивает отсутствие убеждений у этого вельможи. В образе фрейлины, которая, начиная с этой рукописи, получила имя Анны Павловны Шерер, Толстой усиливает, главным образом, ту преданность ее покровительнице, при которой «отрекаются от всех нравственных интересов жизни, кроме интересов своих покровителей».

В законченном виде начало данной рукописи местами уже дословно совпадает с текстом «Русского вестника». В этой рукописи Толстой начал делить текст на маленькие главы. Так, текст, составивший в «Русском вестнике» первую главу, был в этой рукописи разделен на шесть глав.

После правки копии Толстой стал продолжать работу. На полях первого же листа появились конспективные записи, вводящие в авторский замысел дальнейшего текста: «Как держать дом? Кн[ягиня] В[олконская] брюх[атая] с работой. Ее муж недов[ольно] смотрит на нее. Княгиня хлопочет о сыне. Mortemart. Как подать на блюде литератора. Рассказ о Енгиенском. Некоторые молчат и esclament».⁸⁹

Приведенные записи являются точным планом вечера у

на то, что один лист утрачен (см. стр. 201), ошибочно. См. «Описание рукописей», стр. 159.

⁸⁹ [восклищают.]

фрейлины в том виде, в каком он известен по окончательному тексту. Так и были написаны эти главы в анализируемой рукописи.⁹⁰ Здесь несколько иная композиция описания вечера, значительно пространнее и с большими подробностями, нежели в тексте «Русского вестника», передан рассказ виконта об убийстве герцога Энгиенского, но принципиальных отличий от окончательного текста нет.

В салоне фрейлины появляются князь Андрей с женой, Пьер, а также упоминавшиеся в начале беседы фрейлины с князем Василием его дочь Элен и сын Ипполит. Князь Андрей одним из первых приезжает на вечер вместе с женой. Основные черты князя Андрея, маленькой княгини, Пьера, княжны Элен и других персонажей уяснились Толстому еще в период поисков начала романа. В этом варианте более резким, нежели в законченной редакции, показано отношение князя Андрея к жене, в которой «за внешним блеском и оживлением», по его мнению, «ничего, ничего» не было. Пьер впервые вступает в действие во время рассказа виконта, которого «все слушали с вниманием и уважением», и только один «очень молодой человек с большой вытянутой взад головой, застенчивый и рассеянный, видимо не обращал никакого внимания на рассказ и рассказчика. Он вертелся на своем стуле». Это был Пьер.

Далее Толстой намеревался, прервав рассказ виконта, ближе познакомить читателя с основными действующими

⁹⁰ Опубл. т. 13, стр.207—221.

лицами. Он так и заявил: «Прежде, чем передать историю виконта, весьма распространившуюся впоследствии, я должен описать некоторых из слушателей его, тем более, что эти некоторые, кроме того, что замечательны сами по себе, не раз встретятся читателю в продолжение этой истории». Однако, не сделав даже попытки осуществить свое намерение, автор тут же отказался от него. Незадолго до начала работы над романом Толстой писал, что стала невозможной принятая в литературе манера описаний, «логично расположенных: сначала описания действующих лиц, даже их биографии, потом описание местности и среды, и потом уже начинается действие. И странное дело, – все эти описания, иногда на десятках страниц, меньше знакомят читателя с лицами, чем небрежно брошенная художественная черта во время уже начатого действия между вовсе неописанными лицами».⁹¹

Толстой пошел вторым путем. Он зачеркнул авторское заявление к читателю, сделав на полях помету для себя: «Кто слушает и как». Продолжая действие, он с помощью отдельных художественных черт показывает, «кто слушает и как». Облик дочери князя Василия (в этом варианте она не Элен, а Sophie), а также впечатление, производимое ею на окружающих, почти такие же, как и в законченном романе. Облик ее брата Ипполита близок к окончательному, но в порт-

⁹¹ «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?» – т. 8, стр. 312.

рет его внесено больше дополнительных деталей, больше тех внешних признаков, которые подчеркивают отрицательный характер этого персонажа. Описывая, как слушали начавшийся рассказ виконта Sophie, Ипполит и маленькая княгиня, Толстой беспощадно иронизирует и над «изящным» рассказом виконта об убийстве герцога Энгиенского, и над «красивым кружком» слушателей. Различные реплики, которыми слушатели перебивали рассказ виконта, свидетельствовали об единодушном мнении всех о Наполеоне, которого, как и полагалось в этот период, «никто из присутствующих не только не признавал... императором, никто не признавал его даже человеком. В глазах vicomte'a и его слушателей это был какой-то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Кромвель, до сих пор еще ускользавший от заслуженной петли».

На фоне такого единодушного мнения рельефно выступает совершенно противоположное отношение к Наполеону князя Андрея и, главное, Пьера, которые, как представители прогрессивного дворянства, считали Наполеона в первый период его деятельности еще великим полководцем и представителем идей революции. Как во всех вариантах начала, так и в этой рукописи Пьер с первого момента вступает в действие «спорщиком». Он перебивает рассказ виконта репликой о Наполеоне, вызывая всеобщее удивление, иронически резюмированное автором: «для чего было высказывать мнение, противное всем», и зачем «не уметь жить до такой сте-

пени, чтобы перебивать изящный рассказ, всем доставляющий удовольствие, выражением своих мнений». В рукописи почти ничего не сказано о внешности Пьера, из его биографии сообщено только, что «юноша был незаконный сын знаменитого богача и вельможи, из уважения к которому фрейлина пригласила его и не могла себе простить этого. «Коли бы я знала, что он такой *mal élevé*⁹² и бонапартист». Так думала фрейлина. «Но молодой человек был хуже, чем *mal élevé* и бонапартист, — добавляет автор. — Он был якобинец». Читатель сразу знакомится с Пьером, как с человеком, который, несмотря на застенчивость, заставлявшую его краснеть, настойчиво высказывает свое убеждение, идущее вразрез с общепринятым. Он заявил, что считает Наполеона великим человеком, говорил о том, что «революция была великое дело» и что Наполеон «представитель великих идей». Он много и долго говорил, «но никто не одушевился, один князь Андрей зажег огонь в глазах, любуясь на него». В конспективном наброске далее отмечено, что только князь Андрей «не нападал», а, напротив, поддерживал молодого человека, который «огрызался на всех», доказывая, что Наполеон «желает мира и равенства».

Автор не удовлетворился раскрытием установленного в высшем обществе мнения о Наполеоне и отношения к нему в начале века лучших людей России, он сказал и свое слово о Наполеоне. Пять раз переделывал Толстой этот маленький

⁹² [невоспитанный]

отрывок, чтобы точнее и образнее высказать в самом начале произведения свое отрицательное отношение к этой исторической личности, о мнимом величии которой он уже много писал в ранних вариантах начала романа.

Текст, соответствующий в настоящем издании главам I—VI первой части, уже сложился, но деление на главы более подробное: созданный текст разделен на двадцать шесть маленьких глав.

В конце рукописи — конспект следующих трех глав. Намечены: сцена в передней, где Ипполит Курагин, провожая маленькую княгиню, ухаживает за ней, презрительное отношение князя Андрея к Ипполиту, приезд Пьера к молодым Волконским и беседа между ним и князем Андреем, кутеж у Анатоля Курагина, в котором Пьер, вопреки только что данному князю Андрею обещанию, принимает участие. Кратким авторским определением Анатоля Курагина заканчивается рукопись: «Анатоль: гадость для гадости. Он, как красивая кукла, ничего нет в глазах».

С рукописи снята копия, над которой автор вновь стал работать. Много внимания уделяется Пьеру: его внешности, его поведению, и все это с целью показать, что Пьер был не такой, как все остальные гости. Правка копии отражает также стремление Толстого убедительнее раскрыть отношение князя Андрея к жене, вид которой у всех вызывал чувство «обаяния веселости», в то время как сам князь Андрей испытывал при ней «вовсе не веселое чувство». О внешне-

сти Ипполита Курагина добавлено, что лицо его было «освещено идиотизмом», что он вошел, глядя в лорнет «развязно до наглости».

Излагая возникший между гостями разговор о предстоящей войне, Толстой подчеркивает, что Пьер и князь Андрей, главным образом своими открыто высказываемыми суждениями о Наполеоне и Кутузове, резко выделялись из всех присутствующих в гостиной. Между собой они отличались, по словам автора, лишь тем, что князь Андрей мог «учтиво» выслушивать мнения, не совпадающие с его, а Пьер совсем не мог и был «вполне неприличен», и, «как только с ним заговаривали, он вдруг начинал говорить всё, что думал». Горячий спор «неприличного юноши» с виконтом, изложенный в этой рукописи, почти дословно совпадает с «Русским вестником». И весь текст переработанной копии очень близок к журнальному. Исправив копию, Толстой написал еще одну главу – разъезд гостей.⁹³ Содержание ее довольно подробно изложено в конспекте, которым закончилась предыдущая рукопись. Ведущими действующими лицами в ней являются Пьер, который «не умел войти в салон и еще менее из него выйти», и князь Андрей, который подле Пьера «поражал еще больше своей изящною, изнеженной и неприступно-гордой осанкой». Отъездом князя Андрея с женой рукопись закончилась.

⁹³ Опул. т. 13, стр. 221—223, начало вар. № 2 (до слов: «Княгиня, подбирая платье...»).

Копия только что рассмотренной рукописи не сохранилась; по всей вероятности, после авторской правки она явилась наборной рукописью для «Русского вестника». Остались от нее лишь исправленные последние листы и продолжение текста – автограф.

Толстой, видимо, настолько ясно продумал дальнейший ход повествования, что написал теперь не только очередную главу, как это было, в пяти предыдущих рукописях, относящихся к первой части, но создал большую рукопись, доведя изложение до смерти старого графа Безухова (текст, соответствующий по наст. изд. гл. VI—XXVI).⁹⁴ Продолжается работа над образами ведущих героев – Пьера и князя Андрея. Возникла мысль подробнее остановиться на семейной обстановке князя Андрея, с целью показать высоконравственное отношение князя Андрея к семье, чем он также отличается от светского круга, к которому принадлежит. Для реализации этого замысла привлечен второстепенный герой – Ипполит Курагин. Курагину посвящается маленькая глава (двадцать седьмая): «Князь Ипполит, как настоящий светский человек и человек очень элегантный, не мог не знать, что человеку его сорта прилично иметь любовную связь» – так начинается новая глава, раскрывающая внутреннюю пустоту сына вельможи, порочность всей золотой молодежи и придворного круга. «Точно так же, как в толпе пьяной черни при

⁹⁴ Опубл. не полностью т. 13, стр. 223—247, вар. № 2 (от слов: «Княгиня, подбирая платье...») и вар. № 3.

виде красивой молодой женщины оскаливаются рожи и слышится цинический смех, соединяя какую-то нечистую мысль с видом женщины, точно так же *в свете*, только иначе выражаясь, в толпе молодежи, танцоров, говорунов, дипломатов, явление женщины производит то же нечистое впечатление».

Для усиления контраста, от Ипполита Курагина непосредственный переход к князю Андрею, который, хотя и «знал, что это естественно и иначе быть не может», что в «зубоскаленье» Ипполита жена его не виновата и не будет от этого менее чиста, но «в нынешний вечер он в первый раз почувствовал, что ему тяжело, что ему стыдно. И стыдно от человека, которого он считал ничтожнейшим идиотом. И гордость, безграничная гордость его возмутилась, расстроила привычное спокойствие и спутала все его мысли и чувства». Дальнейший текст создавался сразу без существенных отличий от журнального. Лишь подробнее развернута в черновике откровенная беседа князя Андрея с Пьером, составившая содержание глав VII и VIII окончательной редакции, внесено резкое осуждение семьи Курагиных, которая, по определению Пьера, «грязнее грязи». Интересен также не дошедший до печатного текста разговор о литературе и искусстве, во время которого выявились различные мнения двух друзей. Остальная часть беседы, созданная в этой рукописи, очень близка к печатному тексту, так же как и следующие главы, посвященные характеристике светской молодежи, собравшейся у Анатоля Курагина, и описанию их кутежа, на

котором присутствует Пьер. Сценой кутежа у Анатоля и пари Долохова с англичанином закончилось в этой стадии творчества описание жизни в Петербурге в июле 1805 г.

От Петербурга Толстой был намерен перейти к жизни в Москве в эту пору. «В Москве у графа Простого праздновались именины жены», – начал Толстой; но тут же зачеркнул фразу, прервал повествование и написал небольшую главу, по счету 36-ю, резко вырывающуюся своим содержанием из всего созданного к этому времени текста романа. Цель авторского отступления – разъяснить читателю, почему до сих пор речь шла «только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях», и предупредить его, что, вероятно, и впредь в этой истории не будет других лиц. Перечисляя причины, по которым он не может угодить вкусу тех читателей, которым «интереснее и поучительнее история мужиков, купцов, семинаристов», автор заявляет, что «жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков» представляется ему «однообразною, скучною», что все действия этих людей кажутся ему «вытекающими, большей частью, из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и материальных страстей», что «трудно их понимать и потому описывать». Это резко полемическое заявление находилось в остром противоречии со всем строем и замыслом создаваемого произведения.

В первых же вариантах романа «Война и мир» отражен глубокий интерес Толстого к народу и вера в его духовные

силы. А то общество, к которому Толстой в этом полемическом заявлении почти с гордостью причисляет себя, он уже в первый период работы над романом то с едкой иронией, то с необычайной резкостью обличает, и своих ведущих героев — Пьера и князя Андрея — решительно выделяет из этой среды. И если князь Андрей своими привычками и внешним поведением связан со своим кругом, то Пьер совсем не походит на людей этого общества; в одном из вариантов Толстой пытался даже сделать Пьера внешне похожим на «мужика», чтобы резче выделить его из внешне изысканного, но насквозь лживого светского общества.

За год до того, как появилась полемическая 36-я глава, был создан седьмой вариант начала романа (описание Аустерлицкого сражения), где лицемерию, фальши, ложному патриотизму и карьеризму штабной верхушки противопоставлена высота духа русской армии. Представителем этой героической армии показан Андрей Болконский, принадлежавший к числу лучших людей того времени, оставаясь лишь внешне изысканным аристократом. А еще раньше был написан набросок предисловия, в котором автор объявил, что задачей нового произведения было показать, как «сущность характера русского народа и войска» проявилась в период неудач в первых войнах России с Наполеоном и была причиной торжества России в 1812 г. Неудивительно, что интерес к 36-й полемической главе тотчас же пропал у автора. Это бесспорно доказывается тем необычным явлени-

ем, что копия ее совсем не подвергалась дальнейшей правке. Еще раз Толстой сделает попытку вернуться к этой теме спустя несколько месяцев в одном из черновых, тут же оставленных, набросков предисловия к первой части.

Непосредственно от неожиданного полемического отступления Толстой перешел к теме Ростовых. Опираясь во многом на созданное в процессе поисков начала, особенно на шестой и восьмой варианты, он без большого напряжения продолжает писать. Главы о Ростовых, Пьере, доме старого графа Безухого в этой редакции композиционно и по содержанию, а в большей своей части и текстуально совпадают с журнальным текстом. Содержание двух циклов глав «В Петербурге» и «В Москве» Толстой соединил посредством известного читателю персонажа – Анны Михайловны Друбецкой. Добившись через князя Василия перевода сына в гвардию, она вскоре после вечера Анны Павловны вернулась в Москву к своим богатым родственникам Ростовым, у которых воспитывался ее сын. Создав затем первую сцену в доме Ростовых утром в день именин, Толстой присоединил к новому тексту три листа из шестого варианта начала, озаглавленного «День в Москве», внося в него лишь небольшие стилистические изменения, и продолжил текст вплоть до смерти старого графа Безухого.⁹⁵ Так создавалась почти вся первая часть. Не было только окончания ее – описания жизни в Лы-

⁹⁵ Вторая половина этой рукописи, наиболее отличающаяся от окончательного текста, опубл. т. 13, стр. 240—247, вар. № 3.

ских Горах.

По копии началась работа над созданием второй редакции законченных глав (рукопись № 51).⁹⁶ Расширена сцена возвращения князя Андрея с женой после вечера у фрейлины, сильнее подчеркнуто раздражение князя Андрея, вызванное ухаживанием за маленькой княгиней Ипполита Курагина, «этого идиота», как его называет князь Андрей. Вариант зачеркнут и создан новый эпизод: «страшная сцена», которая произошла в спальне княгини; князь Андрей видел записочку, которую Ипполит положил в ридикюль княгини; дома он сжег эту записку и написал Ипполиту письмо, в котором предупреждал, что, ежели он покажется на глаза ему или его жене, он «выдерет ему при всех уши». В письме был даже намек на возможность дуэли. И третий вариант этой сцены зачеркнут. Видимо, не связывалась с природной гордостью князя Андрея трафаретная семейная сцена, – она навсегда откинута, и создан четвертый вариант, почти совпадающий с печатным текстом. Изменена беседа князя Андрея с Пьером: исключен их разговор об искусстве и расширена тема предстоящей войны, особо подчеркнуто решение князя Андрея ехать в армию на первое время адъютантом Кутузова, а затем взять отдельный отряд. «Война. И я знаю, где мое место», – говорит князь Андрей. Развиты высказывания князя Андрея о Кутузове как о правой руке Суворова. Сделана попытка в описание кутежа у Анатоля Курагина также ввести

⁹⁶ Отрывки этой рукописи опубл. т. 13, стр. 265—277, вар. №№ 10—13.

тему начавшейся войны: Пьер, возвращаясь после беседы с князем Андреем, все время «думал о предстоящей войне и хотел сообщить это известие и свои мысли об ней всем». А далее появилось восклицание, с которым Пьер вошел к Анатолю, где собралась «толпа молодежи»: «Господа, война объявлена. Слышали? – сказал он. Никто его не слушал». Текст вставки тут же исправлен: восклицание Пьера дополнено сообщением о том, что «Кутузов – главнокомандующий», а в ответ Пьер слышит естественную для собравшихся у Анатоля кутил реплику: «Ну чорт с ним!» Вся вставка зачеркнута. Слишком резким диссонансом ворвался этот эпизод в сцену кутежа, и не было, видимо, возможности развить его.

Много труда потребовали главы, посвященные описанию дома старого графа Безухого в день его смерти. Толстой правит текст, стремясь через восприятие Пьера показать действия Анны Михайловны Друбецкой, князя Василия и княжен, окружавших старого графа и думавших только о его наследстве. Дважды исправленный вариант сцены споров около завещания вычеркнут и создан новый текст,⁹⁷ в котором со всей обнаженностью изображены интриги, связанные с завещанием, борьба за «мозаиковый портфель» и роль Пьера: молча смотрел он на все происходившее и не узнавал ни князя Василия, ни Анны Михайловны, которая, как «наседка окрысившись, тянула портфель». В результате правки текст значительно приблизился к напечатанному в «Русском вест-

⁹⁷ Опубл. т. 13, стр. 277—292, вар. № 14.

нике» (главы VIII-XXXII).⁹⁸

Закончив смертью графа Безухова описание жизни в Москве летом 1805 г., Толстой перешел к Лысым Горам. Эти последние главы первой части создались, судя по рукописям, сравнительно без большого труда. Образы, наметившиеся при двукратной работе над вариантом начала «Три поры», настолько определились, что теперь Толстой почти сразу написал картину жизни в доме старого князя Волконского.⁹⁹

VI

16 сентября 1864 г. Толстой записал в Дневнике: «Скоро год, как я не писал в эту книгу. И год хороший... Я начал с тех пор роман, написал листов 10 печатных, но теперь нахожусь в периоде поправления и переделывания. — Мучительно». В тот же день он вторично записал: «К роману:

1) любит мучать того, кого любит — всё теребит. 2) Отец с сыном ненавидят друг друга. В глазах неловко».¹⁰⁰ Дневниковые записи дают возможность безошибочно определить, в каком положении находилась работа к 16 сентября 1864 г.; первая часть еще не закончена, над последними главами, посвященными Болконским, шла работа, и к этим-то главам

⁹⁸ По наст. изд. гл. VI—XXIV.

⁹⁹ Отрывки опубл. т. 13, стр. 248—265, вар. №№ 5—9.

¹⁰⁰ Дневник, 16 сентября 1864 г. — т. 48, стр. 58.

относилась вторая запись, озаглавленная: «К роману».

Десять дней спустя, 26 сентября, на охоте Толстой упал с лошади и сломал руку, после чего мог писать с трудом. Однако работы он не прекращал, что подтверждается письмом С. А. Толстой к сестре от 1 октября: «Лева роман свой нынче очень пишет». По свидетельству самого Толстого, он до конца октября не мог подолгу писать больной рукой. «...После 5 недель нынче в первый раз пишу так длинно своей рукой», — сообщал он М. Н. Каткову в письме от 28—29 октября.¹⁰¹ Приведенные документы в сопоставлении с рукописями романа позволяют датировать работу над ним осенью 1864 г.

Рукопись, содержащая последнюю редакцию глав, посвященных смерти старого графа Безухого, а также непосредственно за нею созданная рукопись с описанием жизни в Лысых Горах, написаны частично самим Толстым, частично рукой С. А. Толстой и В. В. Нагорновой под диктовку, причем рукой Толстого написаны только небольшие отрывки. Иногда на полуфразе рука Толстого сменяется почерком его жены. Ни одна из предшествующих рукописей романа не создавалась под диктовку, это первый случай. Очевидно, что над упомянутыми рукописями Толстой работал после 26 сентября. В том же письме к М. Н. Каткову Толстой сообщал: «Я кончаю на днях первую часть романа из времен первых войн Александра с Наполеоном и нахожусь в раздумьи, где и как ее печатать. Из журналов я бы лучше всего желал напечатать

¹⁰¹ Т. 61, стр. 58.

в Р[усском] вестнике по той причине, что это один журнал, который я читаю и получаю. Дело в том, что мне хочется получить как можно больше денег за это писанье, которое я особенно люблю и которое мне стоило большого труда. Для того, чтобы напечатать в журнале (вам первым и, верно, последним я делаю это предложение), я хочу получить 300 р. за лист, в противном случае я буду печатать отдельными книжками».

21 ноября Толстой уехал в Москву для лечения руки. Уезжая, он оставил жене рукопись для переписки. Письмо С. А. Толстой к мужу от 25 ноября раскрывает, что именно оставил ей Толстой перед отъездом в Москву. «Как хорошо всё, что ты мне оставил списывать. Как мне нравится вся княжна Марья! Так ее и видишь, – писала она. – И такой славный, симпатичный характер. Я тебе всё буду критиковать. Князь Андрей, по-моему, все еще не ясен. Не знаешь, что он за человек. Если он умен, то как же он не понимает и не может растолковать себе свои отношения с женой? Старый князь очень тоже хорош. Но мне первый, которым ты был недоволен, нравился больше. Я уж из того составила себе в голове идеал, который не подходит к теперешнему князю. Сцена отъезда князя Андрея – очень хорошо и с образом княжны Марьи – отлично».¹⁰²

Нет сомнений, что речь идет о последних главах первой

¹⁰² С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому 1862—1910», «Academia», М. – Л. 1936, стр. 31.

части. Переписанную рукопись С. А. Толстая послала мужу в Москву 26 ноября,¹⁰³ а в письме от 1 декабря Толстой отвечал ей: «Я всегда податлив на похвалу, и твоя похвала характера княжны Марьи меня очень порадовала, но нынче я перечел всё присланное тобою, и мне показалось всё это очень гадко, и я почувствовал лишение руки, хотел поправить кое-что, перемарать – и не мог; вообще разочаровался нынче насчет своего таланта, тем более, что вчера диктовал Лизе ужасную ерунду. Я знаю, что это только временное настроение, которое пройдет, может быть оттого, что нервы не окрепли после хлороформа и вообще не в нормальном состоянии от тугой перевязки на груди».¹⁰⁴

С первых же дней приезда в Москву Толстой начал переговоры с М. Н. Катковым о печатании первой части. 25 ноября он писал жене: «Я завтра добьюсь ответа от Каткова и или у него или отдельной книжкой начну печатать».¹⁰⁵ На следующий день к Толстому приходил помощник М. Н. Каткова по изданию журнала «Русский вестник», профессор физики Московского университета Н. А. Любимов, который «торговался... из-за 50 р. за лист», но Толстой «остался тверд». «Им очень хочется, и вероятно согласятся на 300, – сообщал Толстой жене, – а я, признаюсь, боюсь издавать сам, хлопот

¹⁰³ См. там же, стр. 32.

¹⁰⁴ Т. 83, стр. 69.

¹⁰⁵ Там же, стр. 57.

и с типографией, и, главное, с цензурой».¹⁰⁶ Катков действительно согласился на условия Толстого, «и дурацкий торг этот кончился, — писал Толстой жене, — то есть я им отдал по 300 рублей за лист первую часть романа, которую он [Любимов] с собою и увез, но когда мой *porte-feuille* запустел и слюнявый Любимов понес рукописи, мне стало грустно, именно оттого, за что ты сердиться, что нельзя больше переправлять и сделать еще лучше».¹⁰⁷

Итак, к 1 декабря последние главы первой части, то есть главы, посвященные Болконским, еще не были закончены, их предстояло исправлять. А 27 ноября Толстой уже отдал в «Русский вестник» рукопись романа. Во всех работах по истории писания «Войны и мира», а также в комментарии к письму от 29 ноября в т. 83 наст. изд. ошибочно указывалось, что 27 ноября была сдана в журнал рукопись всей первой части. Фактически же Толстой мог 27 ноября передать только рукопись, заканчивающуюся смертью графа Безухого (при опубликовании в «Русском вестнике» это составило главы I—XXXII), главы же XXXIII—XXXVIII накануне, 26 ноября, были лишь отправлены Толстому после переписки.

Одновременно шла работа над продолжением романа.

В Москву Толстой приехал 22 ноября и, несмотря на болезнь руки, продолжал работать. 24 ноября он писал жене: «Чувствую себя нынче вообще хорошо. Написал лист недур-

¹⁰⁶ Письмо к С. А. Толстой от 27 ноября 1864 г. — т. 83, стр. 59.

¹⁰⁷ Письмо к С. А. Толстой от 29 ноября 1864 г. — т. 83, стр. 63.

но»,¹⁰⁸ а на другой день сообщил ей, что утром «опять писал охотно».¹⁰⁹ Тогда же Толстой изучал новые материалы. Об этом он сообщал жене в нескольких письмах. Он зачитался романом М. Н. Загоскина «Рославлев». «Понимаешь, как он мне нужен и интересен», – писал Толстой жене, рассказывая ей, что «читал с наслаждением, которого никто, кроме автора, понять не может». 27 ноября он «особенно деятельно ходил по книжным лавкам».¹¹⁰ В этот же день он слушал оперу Россини «Моисей» («Зора»), и ему «было очень приятно и от музыки, и от вида различных господ и дам», которые были для него «все типы».¹¹¹

28 ноября Толстому сделали операцию, вправили руку. В тот же вечер он послал за книгами к профессору истории Московского университета С. В. Ешевскому, а затем «очень приятно» для себя «воспользовался» пришедшим навестить его С. В. Перфильевым, «заведя» его на «рассказы о 12-м годе».¹¹² 1 декабря Толстой читал французские мемуары,¹¹³ на другой день читал опять «книги для романа и перебирал бумаги из архива» Дворцового ведомства, которые приноси-

¹⁰⁸ Письмо к С. А. Толстой от 24 ноября 1864 г. – т. 83, стр. 50.

¹⁰⁹ Письмо к С. А. Толстой от 25 ноября 1864 г. – т. 83, стр. 56.

¹¹⁰ Письма к С. А. Толстой от 27 и 29 ноября 1864 г. – т. 83, стр. 58, 59, 63.

¹¹¹ Т. 83, стр. 64.

¹¹² Там же.

¹¹³ См. письмо к С. А. Толстой от 1 декабря 1864 г. – т. 83, стр. 69.

ли ему на дом.¹¹⁴

Толстой не только продолжал изучать исторические материалы, он не останавливал также писание романа. Начиная с 30 ноября, он диктовал попеременно двум своим свояченицам, то Татьяне Андреевне, то Елизавете Андреевне Берс.

Сопоставление приведенных свидетельств с рукописями дает основание безошибочно установить, что, закончив первую часть романа, Толстой стал создавать следующую часть, которая по первоначальному замыслу была второй частью первого тома, а впоследствии составила его третью часть. Военная тематика начиналась описанием не Шенграбенского, а Аустерлицкого сражения, как намечалось еще в восьмом варианте начала.

Сохранилась большая рукопись, состоявшая в первоначальном виде из 250 листов (рукопись № 85). Она содержит первую редакцию текста от описания нового положения Пьера после смерти отца до Тильзитского мира включительно.¹¹⁵

Начата рукопись в Ясной Поляне: первые листы написаны рукой С. А. Толстой. Затем рука С. А. Толстой сменяется автографом, а начиная с Ольмюцкого смотра текст написан Е.

¹¹⁴ Письмо к С. А. Толстой от 2 декабря 1864 г. — т. 83, стр. 73.

¹¹⁵ Отрывки из этой рукописи опубли. т. 13, стр. 472—540, вар. №№ 64—78, но не первоначальный текст их, а исправленный позднее, в конце 1865 г. (см. ниже, стр. 72—75.). Первоначальный слой частично отражен в подстрочных примечаниях. В связи с тем, что отрывки опубликованы в соответствии с последовательностью глав окончательного текста, иногда нарушена при публикации последовательность текста рукописи.

А. и Т. А. Берс под диктовку, и лишь в конце время от времени вновь появляется автограф. То, что рукопись написана разными почерками и лишь время от времени появляется рука автора, сменяясь иногда на полужфразе, является доказательством того, что она в основном создавалась под диктовку. Подтверждается такое предположение и тем, что рукопись содержит множество орфографических ошибок, которые вряд ли могли бы появиться даже при невнимательном копировании автографа, а встречающиеся в рукописи французский текст, так же как и имена действующих лиц, воспроизведены в русской транскрипции явно механически с голоса Толстого (Пьер, Элен, Лиз, Николая).

Именно эта рукопись, начатая в Ясной Поляне в ноябре, незадолго до отъезда в Москву,¹¹⁶ почти целиком была создана в Москве между 22 ноября и 11—12? декабря 1864 г. Текст, начиная с описания изменившегося положения Пьера в обществе после того, как он стал богачом, до начала Ольмюцкого смотра писался частично в Ясной Поляне, частично в Москве до операции руки, то есть не позднее 27 ноября; дальнейший текст до поездки Николая Ростова по делу Денисова в Москву и затем описание жизни в Лысых Горах после отъезда князя Андрея в Петербург – все это создава-

¹¹⁶ Оставив в Ясной Поляне для переписки последние главы первой части, Толстой привез с собой в Москву начатую новую рукопись, содержащую к тому времени текст первых глав новой части.

лось под диктовку в Москве в течение трех недель.¹¹⁷

Законченная первая часть составляла композиционно стройный ряд: жизнь в Петербурге, в Москве, в Лысых Горах в июле – сентябре 1805 г., то есть перед началом первой войны России с Францией; все повествование пронизано темой надвигавшейся войны. Не нарушая принятой композиции, Толстой открыл новую, вторую часть опять с действия в Петербурге. Расставшись в предыдущей части с князем Василием в момент похорон старого графа Безухова и вызванных его смертью тревог по поводу наследства, Толстой связал было этот эпизод с новой главой такой фразой: «Князь Василий был огорчен своей неудачей в деле наследства князя Безухова...»¹¹⁸ Набросок этого начала зачеркнут, написано новое, почти совпадающее с окончательной редакцией. В нем речь идет о помыслах и действиях князя Василия, направленных на то, чтобы Пьера, единственного наследника

¹¹⁷ Устанавливая процесс работы Толстого над романом, Б. М. Эйхенбаум писал, что, сдав «в ноябре 1864 г. первую часть в «Русский вестник», Толстой начал работу над второй частью. По новому плану эта вторая часть должна была быть военной, и главными персонажами ее, естественно, должны были быть Андрей Болконский и Николай Ростов. Живя в Москве... Толстой собирал материал и пробовал писать. Но дело не шло». На основании писем Толстого к жене с жалобами на то, что «всё историческое не клеится и идет вяло» и что, вследствие богатства новых материалов, «ничего не пишется», Б. М. Эйхенбаум сделал ошибочный вывод, что Толстой в этот период «даже остановил работу и расклеился» (Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», кн. вторая, стр. 258—261). Рукописи Толстого говорят совершенно об ином.

¹¹⁸ См. т. 13, стр. 472, прим. 5.

графа Безухова, женить на своей дочери. С этого момента закреплён и будет выдержан по всему роману композиционный приём непрерывности действия в рассказе о каждом герое и о каждом круге общества.

Весь текст, составивший впоследствии третью часть первого тома, композиционно и по содержанию сложился с самого начала так, как он известен по завершённой редакции. В этой части повторён тот же цикл, что и в первой части: действие происходит в Петербурге, затем в Лысых Горах и в Москве, после чего переходит к войне.¹¹⁹ По форме изложения ранняя редакция будущей третьей части первого тома приближается к седьмому варианту начала (см. выше стр. 39—42). В ней больше, чем в окончательном тексте, авторского комментария, резче выражены авторская точка зрения на людей, на их действия и авторская оценка событий.

В первых главах, в отличие от окончательного текста, содержатся более подробные авторские характеристики. Существенным отличием в описании ольмюцкого лагеря является в ранней редакции эпизод, рассказывающий о первом падении Николая Ростова. Создавая этот эпизод, Толстой ис-

¹¹⁹ Текст всей рукописи разделён на главы, и в ряде случаев это деление сохранилось в окончательной редакции. Главы не занумерованы, а лишь отделены чертами. Приём отделения главы черточкой без обозначения порядкового номера сохранялся на протяжении всей работы над романом и даже в наборных рукописях главы часто оставались не нумерованными и в одних случаях отделялись черточками (см. т. 61, письмо № 220), в других перед началом главы отмечалось: «Следующая по порядку глава». При наборе проставлялась последовательная нумерация.

пользовал написанное им в 1858 г. маленькое произведение «Сон». ¹²⁰ Рукопись этого произведения была присоединена к вновь создаваемой, текст стилистически несколько исправлен и первое лицо заменено третьим. ¹²¹ Этим рассказом заканчивается автограф, и далее следует текст, писавшийся под диктовку, начиная с 29 ноября 1864 г.

Для описания военных событий, предшествовавших Аустерлицкому сражению, и для картины самого Аустерлицкого сражения многое было найдено автором еще в процессе создания седьмого варианта начала. ¹²² Совпадения этих двух рукописей, иногда текстуальные, настолько значительны, что возникает даже мысль, не пользовался ли Толстой хотя бы частично старой рукописью при диктовке новой редакции текста от ольмюцкого лагеря до ранения князя Андрея под Аустерлицем. Предположение это подтверждается замечками на полях вновь создаваемой рукописи: «Толки солдат из стар[ого]», «Строгая нота (из стар[ого])», «Разговор с плен[ными] из стар[ого]». Выражение «из старого» свиде-

¹²⁰ См. т. 7, стр. 117—119.

¹²¹ Оpubл. т. 13, стр. 498—499.

¹²² Дойдя до описания ольмюцкого лагеря, Толстой, видимо, намерен был использовать готовую рукопись седьмого варианта начала и приступил к ее исправлению, но затем отказался от этого и стал писать заново. Еще летом 1864 г., до начала работы над анализируемой рукописью, Толстой, ввиду предстоявшего описания Аустерлица, намерен был поехать в Австрию, чтобы увидеть те места, которые надо было описывать, но поездка в Австрию не состоялась (см. т. 83, стр. 78 и 80, а также письмо А. Е. Берса к Толстому от 25 августа 1864 г.).

тельствует о действительном использовании старого материала при создании новой редакции.

Существенные отличия от окончательного текста содержатся лишь в последних главах, и сводятся они к следующему: размышления князя Андрея в ночь накануне Аустерлицкого сражения (что в последней редакции составило окончание главы XII) в ранней редакции помещены непосредственно перед началом сражения, в описание Аустерлицкого сражения введена батарея, стрелявшая картечью, и князь Андрей – это происходило перед самым ранением его – «издалека с радостью узнал на ней жалкую и милую симпатичную фигуру Тушина, с своей трубочкой ковылявшего между орудий». Тушин – это было последнее, что видел князь Андрей перед ранением. (Надо помнить, что описания Шенграбенского сражения, в котором эпизод с батареей Тушина займет большое место, еще не было.) Вслед за сценой ранения князя Андрея следует не дошедшая до окончательного текста глава, содержащая критический разбор плана Аустерлицкого сражения, того плана, который, по утверждению Толстого, был одной из главных причин поражения. В ранней редакции описания сражения больше фактических сведений, нежели в окончательном тексте, но общий тон тот же, что и в седьмом варианте начала, созданном более года тому назад, и в законченной редакции, созданной год спустя. Принципиальные позиции автора в отношении Кутузова, русской армии, штабной знати и иностранного командо-

вания, а также в оценке Наполеона остались неизменными.

Для продолжения романа у автора больше не было старых заготовок. Все созданное в процессе поисков начала было использовано. Можно предположить, что к этому именно времени относится конспект, намечающий первоначальный вариант содержания романа с момента ранения князя Андрея под Аустерлицем и до конца (рукопись № 8).¹²³ Согласно этому конспекту развивалось дальнейшее действие, в основных чертах приближавшееся к завершённой редакции романа.

Непосредственно после Аустерлицкого сражения действие переносится в Москву, к событиям, составившим впоследствии содержание первой части второго тома. Первая редакция этой части почти полностью соответствует завершённому тексту ее. Наиболее существенные отличия ее следующие: нет подробного описания сцены приезда Николая Ростова в отпуск, а действие начинается непосредственно хлопотами Ильи Андреевича Ростова по устройству обеда в Английском клубе в честь Багратиона; разговор Наташи с братом о Соне и его отношениях к ней происходит не в классной комнате, а в санях, когда они вдвоем по поручению графа Ростова едут приглашать цыган в Английский клуб на празднование в честь Багратиона; подробнее анализирова-

¹²³ Опубл. т. 13, стр. 25—26, № 9. Рукопись состоит из одного листа, исписанного с двух сторон; ошибочно опубл. сначала вторая страница, а затем первая. Начало конспекта: «К[нязь] А[ндрей] раненный, злится...»

ны перемены, происшедшие в характере Николая Ростова за время пребывания в армии; более разносторонне освещено душевное состояние Пьера на обеде в Английском клубе; отмечен вызванный беспрестанными разговорами о войне интерес Пьера к стратегии, заменивший его прежний интерес к политике; много внимания уделено анализу мучительного состояния Пьера после дуэли с Долоховым.

При описании жизни в доме Болконских после окончания войны 1805 года несколько раз перерабатывалась сцена получения старым князем Болконским известия о поражении под Аустерлицем, об участии его сына в этой битве и гибели его. Сцены родов маленькой княгини, приезда князя Андрея и далее текст до конца части не содержит существенных отличий, кроме не дошедшего до окончательной редакции краткого описания настроения молодого Болконского: «Князь Андрей после раны избегал всех, стыдясь поражения, и убран был семьей Гернгут[еров], у к[оторых] он лечился. Он писал отцу, но письмо его не дошло. – После сражения князь Андрей сказал себе, что он не будет служить, и жил с отцом и сыном. Осенью старик поднялся в Москву с сыном и дочерью». Так закончились главы о Болконских, и непосредственно после них дан отсутствующий в завершённой редакции краткий обзор военных событий после Аустерлицкого сражения до июня 1807 г., то есть до начала второй войны с Наполеоном. В нескольких словах рассказано и о состоянии в эту пору князя Андрея, который, хотя и оставался

верен своему слову — не служить, все же вместе с отцом «с жадностью» следил «за ходом политических и военных событий».

Дальнейший текст посвящен Ростовым; по содержанию он близок к последней редакции, но значительно короче ее. Нет еще подробного описания «какой-то особенной атмосферы любви» в доме Ростовых, бала у Иогеля, что составит впоследствии главы XI и XII первой части второго тома. Сцена предложения Долохова Соне описана значительно подробнее. Непосредственно после этой сцены начался рассказ о записке, полученной Николаем Ростовым от Долохова, с приглашением на гусарскую «прощальную пирушку», которая происходит в квартире Долохова, а не в английской гостинице, как в окончательном тексте. Проигрыш Ростова, злорадство Долохова, признание Николая Ростова отцу и отъезд его в полк заканчивают этот раздел. Сцены оживленного вечера молодежи у Ростовых в момент прихода Николая Ростова после проигрыша, пения Наташи и предложения Денисова Наташе отсутствуют в ранней редакции.

После разделительной черты, означающей здесь окончание части, повествование переходит к Пьеру, который, объяснившись с женой после дуэли с Долоховым, отправляется в Петербург «с намерением получить паспорт и ехать за границу, но война была уже объявлена и паспорта не выдавались».

Начат новый раздел, который составит впоследствии вто-

рую часть второго тома. Тематически новая часть совпадает с законченной редакцией, но в содержании имеются большие отличия. Вместо известной по окончательному тексту случайной встречи с масоном Баздеевым на станции, в ранней редакции старик-масон (имя его не названо) приходит к Пьеру в Английскую гостиницу уже с определенной целью – «обратить» Пьера. Подробно описан их разговор о жизни Пьера и о сущности масонства. «Старичок просидел от 12 часов утра и до позднего вечера у Пьера. Через неделю был назначен прием Безухова в Петербургскую ложу Северного Сияния». Описания масонского ритуала еще нет (по окончательному тексту главы III и IV). По-иному построены главы о вечере у А. П. Шерер. В отличие от законченной редакции на вечере присутствует Пьер, которого пригласила Анна Павловна под предлогом сообщения ему известий о том, что князь Андрей жив, в действительности же с целью примирить его с Элен. На вечере присутствует не Борис Друбецкой, а «молодой гвардейский офицер, только что приехавший из армии».

Из Петербурга действие переносится в Лысые Горы. Содержание (в окончательной редакции главы VIII и IX) изложено несколько короче.

Следующих глав, повествующих о пребывании Пьера в киевском имении, о его планах освобождения своих крестьян, о поездке Пьера в Богучарово к князю Андрею и их совместной поездке в Лысые Горы (в окончательном тексте

главы X—XIV), в ранней редакции нет. Раздел о Болконских заканчивается выздоровлением Никулишки Болконского и отъездом князя Андрея в Корчеву, где предводителем был Илья Андреич Ростов. Затем действие переходит к Ростовым, денежные дела которых окончательно расстроились после уплаты долга сына в 42 тысячи и которые жили теперь в деревне. Сюда же входит описание приезда князя Андрея в Отрадное (в законченной редакции оно входит в следующую часть), его первого впечатления и от всего семейства Ростовых и особенно от Наташи (он увидел ее в костюме мальчика, которого она собиралась играть в спектакле, готовившемся к именинам отца). Все эти главы совершенно отличны от печатного текста. После описания жизни Ростовых в Отрадном идет рассказ о Николае Ростове, о его возвращении в полк и далее все вплоть до Тильзитского мира и свидания двух императоров в Эрфурте и композиционно и по содержанию близко к законченной редакции, местами текстуально совпадает с ней.

Непосредственно от описания военных сцен Толстой перешел к жизни Болконских, к главе, содержание которой впоследствии составило (по настоящему изданию) главу XXV третьей части второго тома. Начиналась глава с письма княжны Марьи к Жюли Ахросимовой. Толстой так и продиктовал заголовок: «Письмо княжны Марьи к Жюли». Затем дату: 1812. 13 октября. (По всей вероятности, дату Толстой механически перенес из одного из подлинных писем М.

А. Волковой к В. И. Ланской, по которым диктовал текст.) В анализируемой редакции это было письмо «соболезнования по случаю смерти от горячки третьего брата Жюли, тогда как два были убиты, один в кампанию 1805, а другой 1807 года. Так что из четырех сыновей Настасьи Дмитриевны теперь оставался только один». Текстом о состоянии здоровья старого князя Болконского закончилась рукопись, созданная в большей своей части под диктовку в Москве. Последняя часть рукописи, начиная с описания жизни Ростовых в Отрадном, частично написана рукой Толстого, следовательно не раньше начала декабря 1864 г.

11 декабря окончательно был решен вопрос о печатании романа в «Русском вестнике»,¹²⁴ и, вероятно, на следующий день Толстой выехал в Ясную Поляну.

После сдачи в печать первой половины первой части Толстой вернулся в Ясную Поляну с новыми собранными в Москве историческими материалами, с новой большой рукописью, содержащей изложение событий от Ольмюцкого смотра до Тильзитского мира. Кроме того, он привез обратно рукопись последних глав первой части, которая была прислана ему в Москву и которую он не успел еще исправить. Лишь 3 января 1865 г. Толстой послал М. Н. Каткову уже исправленное окончание первой части. «Посылаю вам, – писал Толстой издателю, – остальную часть той рукописи, которую я привозил тогда в Москву и которая была у вас. То,

¹²⁴ См. письмо к С. А. Толстой от 11 декабря 1864 г. – т. 83, стр. 93.

что теперь у вас, включая и то, что теперь посылается, по-моему, составляет первую часть и, полагаю, выиграло бы, ежели бы было напечатано в одной книжке». В том же письме он добавил: «Рукопись исчеркана, прошу меня извинить, но до тех пор, пока она у меня в руках, я столько переделываю, что она не может иметь другого вида. Французские письма я перевел и, по-моему, можно не печатать перевода, но нельзя не печатать французский текст».¹²⁵ Упоминание о французских письмах подтверждает, что посланы были именно главы о Болконских (по «Русскому вестнику» главы XXXIII—XXXVIII), куда входят написанные на французском языке письмо Жюли Карагиной (в тексте «Русского вестника» она дочь Марии Дмитриевны Ахросимовой и носит фамилию Ахросимова) и ответ княжны Марьи. Из того же письма к М. Н. Каткову узнаем, что Толстой просил прислать корректуры, которые могут «в две недели... обратиться»,¹²⁶ и сообщал о своих неудачных попытках написать предисловие, которое он был намерен предпослать публикации романа в «Русском вестнике». «Предисловие я не мог, сколько ни пытался, написать так, как мне хотелось. Сущность того, что я хотел сказать, заключалась в том, что сочинение это не есть роман и не есть повесть и не имеет такой завязки, что с развязкой у нее [уничтожается?] интерес. Это я пишу вам к тому, чтобы просить вас в оглавлении и, может быть, в объ-

¹²⁵ Т. 61, стр. 66—67.

¹²⁶ Там же, стр. 67.

явлении *не называть моего сочинения романом*.¹²⁷ Это для меня очень важно, и потому очень прошу вас об этом». ¹²⁸ Сохранились два наброска предисловия (рукописи №№ 39 и 40).¹²⁹ Со второго наброска была снята копия, но Толстой над ней не работал.

О второй части Толстой писал Каткову: «Вторая часть заключает в себе описание¹³⁰ и Аустерлицкого сражения и, полагаю, будет такого же размера, как и первая. Она у меня написана и будет готова (ежели не случится чего-нибудь со мною особенного) к концу этого месяца. Я бы желал и находил бы лучшим не для себя, а для того, чтобы лучше товар лицом показать, – напечатать всю первую часть в январской книжке, а всю вторую в февральской книжке. Но, разумеется, у вас есть свои соображения, и ежели вы найдете лучшим разделить первую часть, то нечего делать. Но в таком случае напишите мне, желаете ли вы иметь 2-ю часть в нынешнем году, т. е. нынешней зимой. – Оставлять ее до будущей осени

¹²⁷ Подчеркнуто Толстым.

¹²⁸ В объявлениях о публикации, несмотря на просьбу Толстого, «Тысяча восемьсот пятый год» все же назывался романом.

¹²⁹ Опубл. т. 13, стр. 54 – 56, вар. №№ 2 и 3.

¹³⁰ Подлинник письма не сохранился; в копии здесь оставлено место для одного [?] неразобранного слова. В публикации письма (т. 61, стр. 66—67) вставлено: «Шенграбенского». Вряд ли это правильно, так как описания Шенграбенского сражения еще не было, а второй частью на данном этапе работы Толстой считал текст, составивший впоследствии третью часть первого тома. По объему первая и третья части почти одинаковы (ч. 1 – 8¹/₂ печ. л.; ч. 3 – 7¹/₂ печ. л.). Быть может, пропущены слова: «Ольмюцкого смотра» или «Вишауского».

мне было бы неприятно, так как я не умею держать написанное, не поправляя и не переделывая до бесконечности. Пожалуйста, напишите мне, ежели вы желаете поместить вторую часть, то в каких месяцах? Ежели в мартовской и апрельской, то и мне это было бы очень удобно».¹³¹

В конце января 1865 г. Толстой правил корректуры глав I—XXVIII, предназначенных для январской книжки «Русского вестника». По этому поводу 27 января С. А. Толстая писала племянницам В. В. и Е. В. Толстым: «На днях у нас с Левой была спешная работа, поправляли его роман, который скоро напечатают».

Тогда же Толстой писал А. А. Толстой и А. А. Фету о своей работе, сообщая о выходе в ближайшие дни начала романа. «Скажите мне свое чистосердечное мнение, – просил он А. А. Толстую. – Я бы хотел, чтобы вы полюбили моих этих детей. Там есть славные люди. Я их очень люблю».¹³² В тот же день – А. А. Фету: «А знаете, какой я вам про себя скажу сюрприз: как меня стукнула об землю лошадь и сломала руку, когда я после дурмана очнулся, я сказал себе, что я – литератор. И я литератор, но уединенный, потихонечку литератор. На днях выйдет первая половина 1-й части 1805 года. Пожалуйста, подробнее напишите свое мнение. Ваше мнение, да еще мнение человека, которого я не люблю тем более, чем более я вырастаю большой, мне дорого – Тургенева. Он

¹³¹ Т. 61, стр. 66.

¹³² Письмо к А. А. Толстой от 18...23 января 1865 г. – т. 61, стр. 70.

пойметъ. Печатанное мною прежде я считала только пробой пера и ор. черн.;¹³³ печатаемое теперь мне хоть и нравится более прежнего, но слабо кажется, без чего не может быть вступление. Но что дальше будет – беда!!! Напишите, что будут говорить в знакомых вам различных местах и, главное, как на массу. Верно, пройдет незамеченно. Я жду этого и желаю. Только б не ругали, а то ругательства расстраивают ход этой длинной сосиски, которая у нас, нелириков, так туго и густо лезет».¹³⁴ Итак, первую часть будущего романа «Война и мир», опубликованную в 1865 г., Толстой считал лишь «вступлением», а то, «что дальше будет», его творческому воображению тогда уже представлялось в огромных масштабах.

6 февраля 1865 г. вышла январская книжка «Русского вестника», в которой под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» напечатано начало романа (главы I – XXVIII¹³⁵). Группы глав объединены заглавиями: главы I—XIII – «В Петербурге», главы XIV—XXVIII – «В Москве».

18 марта вышла февральская книжка «Русского вестника» с публикацией окончания первой части (главы XXIX—XXXVIII¹³⁶), причем главы XXIX—XXXIII явились продол-

¹³³ Какие слова сокращены, подсказать трудно, может быть: ор[еховых] черн[ил], а возможно: ор[us'ом] черн[овым].

¹³⁴ Письмо к А. А. Фету от 23 января 1865 г. 3 т. 61, стр. 72.

¹³⁵ По наст. изд. т. I, ч. 1, гл. I—XX.

¹³⁶ По наст. изд. т. I, ч. 1, гл. XXI—XXV.

жением раздела, озаглавленного «В Москве», а последние пять глав объединены заголовком «В деревне». Ни в одной из сохранившихся рукописей заглавий нет. Они вписаны либо в несохранившуюся наборную рукопись, либо в несохранившуюся корректуру.

VII

В письмах С. А. Толстой к Т. А. Берс, написанных в январе – марте 1865 г., неоднократно встречаются упоминания о работе Толстого над романом, но данных, с помощью которых можно установить, что именно писалось в это время, в письмах нет. 7 марта 1865 г. Толстой возобновил Дневник и в этот день записал: «Пишу, переделываю. Всё ясно, но количество предстоящей работы ужасает. Хорошо определить будущую работу. Тогда ввиду предстоящих сильных вещей не настаиваешь и не переделываешь мелочей до бесконечности».¹³⁷

Прежде чем переходить к анализу дальнейшей работы, необходимо остановиться на записи Толстого об Александре и Наполеоне, сделанной в Дневнике 19 марта 1865 г.: «Я зачитался историей Наполеона и Александра. Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона. Вся подлость, вся фра-

¹³⁷ Дневник, 7 марта 1865 г. – т. 48, стр. 59.

за, всё безумие, всё противоречие людей, их окружавших, и их самих. Наполеон, как человек, путается и готов отречься 18 брюмера перед собранием. De nos jours les peuples sont trop éclairés pour produire quelque chose de *grand*.¹³⁸ Александр Македонский называл себя сыном Юпитера, ему верили. Вся Египетская экспедиция французское тщеславное злодейство. Ложь всех bulletins,¹³⁹ сознательная. Пресбургский мир escamoté.¹⁴⁰ На Аркольском мосту упал в лужу, вместо знамя. Плохой ездок. В Итальянской войне увозит картины, статуи. Любит ездить по полю битвы. Трупы и раненые – радость. Брак с Жозефиной – успех в свете. Три раза поправлял реляцию сраженья Риволи – всё лгал. Еще человек первое время и сильный своей односторонностью – потом нерешителен – чтоб было! а как? Вы простые люди, а я вижу в небесах мою звезду. – Он не интересен, а толпы, окружающие его и на которые он действует. Сначала односторонность и beau jeu¹⁴¹ в сравнении с Маратами и Барасами, потом ощупью – самонадеянность и счастье, и потом сумасшествие – faire entrer dans son lit la fille des Césars.¹⁴² Полное сумасшествие, расслабление и ничтожество на св. Еле-

¹³⁸ [В наше время народы слишком просвещенны, чтобы можно было создать что-либо *великое*.] (Слова Наполеона маршалу Декре.)

¹³⁹ [реляций,]

¹⁴⁰ [достигнут обманом.]

¹⁴¹ [благоприятные условия]

¹⁴² [разделить ложе с дочерью цезарей.]

не. — Ложь и величие потому только, что велик объем, а мало стало поприще и стало ничтожество. И позорная смерть!

Александр, умный, милый, чувствительный, ищущий с высоты величия объема, ищущий высоты человеческой. Отрекающийся от престола и дающий одобрение, не мешающий убийству Павла (не может быть). Планы возрождения Европы. Аустерлиц, слезы, раненые. Нарышкина изменяет. Сперанский, освобождение крестьян. Тильзит — одурманивание величием. Эрфурт. Промежуток до 12 года не знаю. Величие человека, колебания. Победа, торжество, величие, *grandeur*, пугающие его самого, и отыскивания величия человека — души. Путаница во внешнем, а в душе ясность. А солдатская косточка — маневры, строгости. Путаница наружная, прояснение в душе. Смерть. Ежели убийство, то лучше всего. —

Надо написать свой роман и работать для этого». ¹⁴³

На другой день Толстой вернулся к той же теме: «Крупные мысли! План истории Наполеона и Александра не ослабел. Поэма, героем которой был бы по праву человек, около которого всё группируется, и герой — этот человек». ¹⁴⁴

Принято считать, что дневниковая запись о двух государственных деятелях эпохи, над изучением и описанием которой Толстой в ту пору работал, свидетельствует о наступившем весной 1865 г. переломе в замысле художника: будто

¹⁴³ См. т. 48, стр. 60—61.

¹⁴⁴ Дневник, 20 марта 1865 г. — там же, стр. 61.

бы замысел семейного романа теперь только осложнился замыслом историческим.¹⁴⁵ Есть все основания отвергнуть такое предположение, так как к декабрю 1864 г. замысел исторический был уже ясно выражен: в роман были введены исторические деятели, в том числе и Александр и Наполеон, наконец описано даже Аустерлицкое сражение, первый вариант которого создан еще в 1863 г.

В январе и в начале февраля 1865 г. Толстой был, вероятно, занят главным образом правкой корректур первой части. Дневниковые записи, начиная с марта, довольно последовательно рассказывают о работе Толстого до конца 1865 г. Нет никаких сомнений, что в этот период шло писание второй части, содержащей картину Шенграбенского сражения. Невозможно установить точно, как и когда возник замысел второй части, изменившей первоначальный план показать из войны 1805 г. только Аустерлицкое сражение, центральное в этой войне.

Еще во время пребывания в Москве Толстой усиленно собирал и изучал исторические материалы к роману, работал в библиотеках. 7 декабря он провел «часа три» в Чертков-

¹⁴⁵ См. Б. М. Эйхенбаум, указ. соч., стр. 385; С. П. Бычков, «Народно-героическая эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир», М. 1949, стр. 7, а также другие работы, указанные выше, стр. 23, прим. 1. Совершенно справедливо предположение М. А. Цявловского, что запись в Дневнике говорит «о самостоятельном замысле написать сравнительную характеристику этих людей» («Толстой и о Толстом», 3, стр. 141). Об этом ясно свидетельствует последняя фраза дневниковой записи от 19 марта.

ской библиотеке за книгами, очень для него «нужными, и за портретами генералов, которые очень полезны». «Там мне сказали, – писал Толстой жене, – что у графа Уварова есть переписка его дяди, командовавшего корпусом в 1805 году; поехал к нему, но не застал дома»¹⁴⁶. Речь идет о письмах кавалерийского генерала Федора Петровича Уварова, который в 1805 г. командовал кавалергардским полком во время Аустерлицкого сражения. Об этих письмах тогда же Толстой просил П. И. Бартенева: «Не можете ли вы дать просмотреть их – не вынося их из вашей квартиры. Ежели вам это можно, то назначьте мне время, когда бы я мог приехать к вам и заняться этим».¹⁴⁷ В этом же письме Толстой просил прислать ему «Русский архив», сочинения Жозефа де Местра и справлялся, во скольких частях издана «Галерея Зимнего дворца». Все эти книги послужили Толстому источниками к роману.

Быть может, изучение в ноябре – декабре 1864 г. исторических документов о 1805 г., в том числе чтение книг французского дипломата Жозефа де Местра, натолкнуло Толстого на мысль описать войну 1805 г. не с кануна Аустерлицкого сражения, а с момента начала ее. В работах Жозефа де Местра подчеркнута гениальность полководца Кутузова, проявившаяся в сражениях, предшествовавших Аустерлиц-

¹⁴⁶ Письмо к С. А. Толстой от 7 декабря 1864 г. – т. 83, стр. 88.

¹⁴⁷ Письмо к П. И. Бартеневу от 7 декабря 1864 г. – т. 61, стр. 61.

кому, что замалчивалось в русских источниках.¹⁴⁸

Еще раз писатель отодвинул действие назад, к самому началу войны, и стал создавать своего рода пролог к описанию Аустерлицкого боя. Работа Толстого над второй частью представлена рукописями №№ 54—84, состоящими из 251 листа автографов и исправленных копий.

В соответствии с заглавиями групп глав первой части: «В Петербурге», «В Москве», «В деревне» продолжение озаглавлено в рукописи «За границей». После первой части, заканчивающейся отъездом князя Андрея из Лысых Гор на войну, новый набросок – для непрерывности действия – начинается словами: «Князь Андрей догнал главнокомандующего князя Кутузова на польской границе...»¹⁴⁹ Содержание наброска: пребывание князя Андрея в штабе Кутузова в Браунау перед самым началом военных действий; настроение князя Андрея, который в главной квартире чувствовал себя «в том же, столь надоевшем ему петербургском мире интриг, женщин, французских фраз, и пустоты». Штабные офицеры «возбуждали в нем чувство не только презрения, но отвращения и гадливости своей грубостью, грязностью и пошлостью занимавших их интересов». Наоборот, находясь в командировках или при Кутузове во время смотров, он испы-

¹⁴⁸ В книге, которой пользовался Толстой (см. в списке источников № 67) имеется письмо Ж. де Местра об Аустерлицком сражении, где перечислены «пять замечательных сражений» Кутузова, предшествовавших Аустерлицу.

¹⁴⁹ Опубл. т. 13, стр. 319—320, вар. № 22.

тывал сильно одушевлявшее его, поднимавшее на высокую степень энергии, чувство при виде «симметричных двигающихся масс».

Образ князя Андрея на войне был определен в предыдущей рукописи, его подвиг под Аустерлицем уже описан; теперь, отодвинувши действие назад, Толстой показывает героя в предшествующий этому подвигу период. Обстановка главной квартиры в начале войны рисуется сквозь впечатления князя Андрея. Кратко рассказано о «враждебной, но учтивой дипломатии австрийских и русских властей», о невыгодном положении Кутузова при австрийском дворе, о начале военных действий в октябре 1805 г. и о прибытии из Вены австрийского генерала с предписанием Кутузову идти на помощь Маку. На этом рукопись обрывается.

Пишется новый вариант.¹⁵⁰ В отличие от предыдущего наброска в нем нет заглавия. Действие начинается описанием положения войск союзников к началу кампании 1805 г., рассказом о взаимоотношениях Кутузова с командующим австрийскими войсками. Сначала решительно отмечено, что «австрийское правительство негодовало на Кутузова за то, что он не шел на соединение с Маком», но тут же заменено, хотя и менее резким определением, но столь же ясно свидетельствующим не о безволии Кутузова, каким его представляли дворянские и буржуазные историки, а об его определенном стратегическом плане.

¹⁵⁰ Опубл. (без окончания) т. 13, стр. 419—421, вар. № 51.

С этого наброска снята копия,¹⁵¹ при исправлении которой текст начала был написан заново; опять появилось заглавие «За границей», после заглавия проставлен номер главы: «1». Действие, как и в предыдущем варианте, начинается с описания стоянки Кутузова в Браунау и подготовки пришедшего полка к смотру. Этот вариант, соответствующий по содержанию первой главе второй части окончательного текста, был затем продолжен. На новом листе проставлена цифра 2, видимо обозначающая вторую главу. Созданный вариант содержит рассказ о кутузовском штабе в Браунау и о состоянии русской армии перед началом военных действий.¹⁵² В отличие от законченного текста, князь Андрей встречается в полку с батальонным командиром майором Ахросимовым, с которым он был знаком с детства. (Так наметил было Толстой ввести в роман еще одну семью; в первой части на именинах у Ростовых присутствует М. Д. Ахросимова, с ее дочерью Жюли переписывается княжна Марья; во второй части с ее сыном встречается в армии князь Андрей.) Быть может, майор Ахросимов, близкий знакомый князя Андрея, нужен был здесь для того, чтобы естественнее было князю Андрею высказать свое отношение к вопросам войны и политики. Ведь в беседе князя Андрея с Ахросимовым раскрывается положение русского войска в октябре 1805 г., недовольство Кутузова поведением австрийского командования,

¹⁵¹ Опубл. (без окончания) т. 13, стр. 416—419, вар. № 50.

¹⁵² Опубл. (не полностью) т. 13, стр. 310—315, вар. № 19.

причем и Ахросимов и Болконский на стороне Кутузова. В этой же беседе князь Андрей заявляет о своем отношении к военной службе, о своем желании служить «просто», «перейти в простой пехотный полк».

Более рельефно, чем в окончательном тексте, Толстой подчеркивает национальный дух армии, который не могли изменить, подорвать ни тяжелые условия похода, ни чужие страны. Войска проходили польские деревни и города, проходили Богемию и все также «с русскими песнями, русским говором, русскими мыслями и русскими привычками... пронося везде русский дух... и чем дальше уходили, тем плотнее сжимался этот, точно кусок России, который оторвался от нее и пошел с штыками и песнями, пешком и верхом ходить по разным землям и чем дальше, тем беззаботнее и веселее, и русее казался этот оторванный кусок России. Всё, что было слабого, ленивого, трусливого, – всё оставалось по гошпиталям сзади».

В законченном виде рукопись содержит текст, соответствующий (по «Русскому вестнику») первым трем главам второй части.¹⁵³ К моменту создания этой рукописи относится запись Толстого в Дневнике 11 марта: «Нынче кончил 3-ью главу. Два раза писал».¹⁵⁴ Можно предположить, что именно эти три главы Толстой намеревался объединить заголовком «За границей». Таким образом, завершился круг,

¹⁵³ По наст. изд. т. I, ч. 2, гл. I и II.

¹⁵⁴ Т. 48, стр. 59.

включивший описание политической обстановки в стране, отношение различных кругов в тылу и в армии к назревающим политическим событиям, к наступающей войне. «В Петербурге», «В Москве», «В деревне», «За границей» – так содалась и закрепила композиция произведения, наметившаяся еще в восьмом, наиболее разработанном, варианте начала произведения.

Среди рукописей сохранился маленький, в несколько строк, набросок (рукопись № 54), озаглавленный: «Часть 2. Глава 1. Поход». Он открывается выступлением Павлоградского полка, в котором служил юнкером Николай Ростов.¹⁵⁵ Быть может, по первоначальному замыслу, рукопись, имеющая заглавие «За границей», заканчивала первую часть, а вторая должна была начинаться военными действиями. В таком случае набросок «Поход» можно считать первым вариантом начала второй части. Замысел, видимо, тотчас же отпал, и вторая часть, получившая позднее общее заглавие «Война», включила в себя как начало рукопись, озаглавленную «За границей».

К работе над началом второй части относятся два плана и один листок с конспективными записями к Шенграбенско-

¹⁵⁵ Опул. т. 13, стр. 293. Набросок, заканчивающийся словами: «...Из ворот деревни вышли и приближались к ним чиновник немец и гусарский юнкер», написан рукой В. В. Нагорновой, очевидно, под диктовку. Весь он зачеркнут, а оставшаяся незаполненной часть листа была позднее использована для продолжения текста другой рукописи. Этот позднейший текст ошибочно опул. в т. 13 как непосредственное продолжение наброска «Поход».

му сражению.¹⁵⁶ Планы, а также отдельные записи свидетельствуют о том, что содержание второй части и композиция ее были автору ясны, а дневниковые записи и, главное, самые рукописи подтверждают, что именно по намеченному плану шла работа. 17 марта Толстой отметил в Дневнике: «Нынче писал... Читаю *Mémoires Raguse'a*.¹⁵⁷ Очень мне полезно». ¹⁵⁸ 21 марта – запись о продолжении чтения «с отметками» воспоминаний *Raguse'a*; в тот же день «вечером писал сцену моста – плохо». ¹⁵⁹ «Сцена моста» – это VII и VIII главы второй части, рассказывающие о переходе русских войск через Энс и о поджоге моста. Между 11 и 21 марта были написаны гл. IV—VIII. Текст их очень близок, а местами совпадает с завершенным. Толстой не был удовлетворен написанной «сценой моста», однако ее первый вариант также весьма близок к окончательной редакции. ¹⁶⁰ После гл. VIII следовала не дошедшая до печати небольшая глава, представляющая интерес для уяснения авторской точки зрения на первый период войны 1805 г. Глава посвящена кратким сообщениям о сра-

¹⁵⁶ Опубл. т. 13, стр. 27—30, №№ 10—12.

¹⁵⁷ «*Mémoires du marechal Marmont, duc de Raguse*», тт. I—IX, Paris, 1856—1857 (имеются в яснополянской библиотеке). Толстой читал воспоминания между 17 и 25 марта Заметки, сделанные им при чтении этих книг, см. в т. 48, стр. 60—62. Из этого издания Толстой использовал ряд фактов для «Войны и мира».

¹⁵⁸ Т. 48, стр. 60.

¹⁵⁹ Там же, стр. 61.

¹⁶⁰ Т. 13, стр. 321—324, вар. № 23.

жениях при Ламбахе, Амштетене, Мёльке и Кремсе.¹⁶¹

О продолжении работы имеется ряд записей в Дневнике. «Писал вечером мало, но порядочно. Могу. А то всё это время мысли нового, более важного и недовольство старым. Надо непременно каждый день писать не столько для успеха работы, сколько для того, чтобы не выходить из колеи. Больше пропускать. Завтра попробую характеристику Билибина» — записано 23 марта. На следующий день: «Писал немного Билибина». 25 марта: «Не писал». 27 марта: «Чуть-чуть писал. Не в духе, но держусь». 28 марта: «Пишется плохо. Надо выпускать». И, наконец, следующая запись сделана только 10 апреля: «Три дня писал с большим трудом, но всё подвигаюсь. *Брюнн*».¹⁶² Следовательно, к 10 апреля повествование доведено до отступления русских войск к Шенграбену, то есть до гл. XIII (по «Русскому вестнику»)¹⁶³ К этому периоду следует отнести рукописи №№ 75—80. Характеристику Билибина, а также пребывание князя Андрея в Брюнне Толстой перерабатывал несколько раз.¹⁶⁴

После 10 апреля Дневник прерывается на несколько месяцев, и нет возможности день за днем следить за продолжавшейся работой. 16 мая Толстой сообщал А. А. Фету: «Я всё

¹⁶¹ Опубл. т. 13, стр. 439—441, вар. № 57.

¹⁶² Т. 48, стр. 61—62.

¹⁶³ По наст. изд. т. I, ч. 2, гл. I—XII.

¹⁶⁴ Опубл. т. 13, стр. 333—351, вар. №№ 26—30.

пишу понемножку и доволен своей работой»,¹⁶⁵ а 30 июня он высказал предположение, что в сентябре сможет начать печатание второй части.¹⁶⁶ Однако к сентябрю вторая часть не была закончена. Летом Толстой, видимо, мало работал. 26 июня он с семьей переехал в Никольское. 16 июля к Толстым в Никольское приехали А. А. Фет с женой, и в тот же день Толстой читал им военные сцены.¹⁶⁷

Судя по позднейшим дневниковым записям и по другим документам, к этому времени могла быть закончена только первая половина второй части. 26 июля Толстой уехал к П. П. Новосильцеву в его имение Орловской губернии, оставив жене рукопись для копирования. 29 июля С. А. Толстая писала ему: «...я все списывала, но дело идет тихо. Начну списывать, то дети помешают, то мухи кусали ужасно, а то станет интересно, и я читаю дальше, и начинаю думать и судить сама себе о всех лицах и действиях твоего романа. Мне очень Долохов нравится. Но я чувствую себя все-таки действительно пошлой читающей публикой».¹⁶⁸ Два дня спустя: «Нынче переписывала и прочла вперед немного, что я еще не видала и не читала, а именно, как жалкий повязанный старичок Мак приехал сам признаться, как его разбили, а кругом его любопытные адъютанты, а он почти рыдает, и его свидание с

¹⁶⁵ Т. 61, стр. 82.

¹⁶⁶ См. письмо к А. Е. и Л. А. Берсам от 30 июня 1865 г. — т. 61, стр. 91.

¹⁶⁷ См. «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891», М. 1928, стр. 92.

¹⁶⁸ С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому 1862—1910». стр. 59.

Кутузовым. Мне ужасно это понравилось, оттого и пишу об этом тебе».¹⁶⁹ Приведенные письма С. А. Толстой подтверждают, что работа шла над первой половиной второй части (рукописи №№ 77 и 78).

С 21 по 25 сентября Толстой с семьей провел у Дьяковых в имении Черемошня, где он читал отрывки из романа. «Их не занимает, — записал Толстой в Дневнике 24 сентября. — Но мне показалось настолько недурно, что не стоит переделывать. Nicolas надо придать любовь к жизни и страх смерти на мосту. А Андрею — воспоминания сраженья в Брюнне».¹⁷⁰ В числе прочитанных у Дьяковых отрывков были гл. VIII—X. Конец сентября и весь октябрь были посвящены работе над окончанием второй части и отделке ранее написанного. 15 октября отмечено в Дневнике: «Две главы совсем обдумал. Брыков и Долохов не выходят. Мало работаю».¹⁷¹ Речь идет об описании эпизода из Шенграбенского сражения: героического подвига роты капитана Брыкова, в которой состоял разжалованный Долохов.¹⁷² Текст был позднее переработан, и Брыков переименован в Тимохина. 17 октября Толстой записал в Дневнике: «Писать не хотелось очень. А se

¹⁶⁹ Там же, стр. 63.

¹⁷⁰ Т. 48, стр. 63. Такие же записи сделаны на полях рукописи № 81, что дает основание датировать ее.

¹⁷¹ Там же, стр. 65.

¹⁷² Опубл. т. 13, стр. 397—405, вар. №№ 40—44.

battre les flancs¹⁷³ ни за что не хочу. Для Долохова видел на охоте местность, и ясно». 20 октября: «Перечитывал, переправлял, идет дело. Долохова сцену набросал». 21 октября: «К вечеру обдумывал Долохова». ¹⁷⁴ Судя по этим записям, ко второй половине октября 1865 г. относятся рукописи, содержащие описание именно Шенграбенского сражения. ¹⁷⁵

Дальнейших точных сведений ни о работе над рукописями, ни о дате отсылки второй части в набор, ни о правке корректур нет.

Около девяти месяцев Толстой был занят второй частью. Черновые рукописи показывают, что именно потребовало наибольшего труда. ¹⁷⁶ Толстой стремился на протяжении всей части показать возможно рельефнее невыгодное положение и серьезные трудности для русского главнокомандующего с самых первых моментов войны, когда «кутузовскому 40-т[ысячному] войску, необутому, плохо кормленному, предстояло не только отступить перед вдвое сильнейшим победителем, хорошо продовольствованным неприятелем, среди чужой, дурно расположенной страны, готовой к предательству как в своих низших, так и высших представителях, но и удерживать этого неприятеля по дороге в Вену уничто-

¹⁷³ [Лезть из кожи вон]

¹⁷⁴ Т. 48, стр. 65.

¹⁷⁵ Кроме указанных выше вар. №№ 40—44, из этих рукописей опубл. т. 13, стр. 353—361, вар. №№ 32 и 33.

¹⁷⁶ Почти все черновые рукописи, относящиеся ко второй части первого тома, опубл. т. 13, стр. 293—472, вар. №№ 16—63.

жением мостов и арьергардными сражениями, о чем каждый день писал к Кутузову австрийский император». Неоднократно Толстой подчеркивал, что, сохраняя вид подчинения главному командованию, Кутузов старался даже в тех сложных условиях действовать по своему обдуманному плану (пути отступления от Кремса, Кремское сражение и т. д.).

Много внимания уделил автор характеристике австрийских военных сфер и австрийского придворного круга. Для обличительной характеристики этого общества, а также русских дипломатов (кружок Билибина) использован приезд князя Андрея в Брюнн с донесением о победе под Кремсом.¹⁷⁷ Общее настроение австрийского двора показывало, говорит Толстой, что «войною, собственно, мало занимались в Брюнне. Жизнь с придворной обстановкой, щегольством, праздниками и женщинами шла так же, как будто не было никогда в государстве ни гошпиталей с тяжелым запахом, наполненных стонущими, бледными ранеными, ни выжженных и покинутых деревень, ни Вены, в которой уже командовал Мюрат». Почти сатирически изображены «низшие придворные лица», старавшиеся вступить в разговор с князем Андреем после аудиенции у императора. Толстой сравнил их с «алчущими животными у колодца», которые, «ежели не могут достигнуть до самого источника драгоценной влаги, то жадно рвутся высосать ту влагу, которая выливается на доступное им корыто». Соответственно представлено состоя-

¹⁷⁷ Опубл. т. 13, вар. №№ 26—30, 36, 37, 58.

ние в этот момент князя Андрея, который «почувствовал себя этой бадьей, выходящей из колодца, перед столпившимся стадом, когда он вышел из двери кабинета императора».

Работая над образом князя Андрея в создаваемой второй части произведения, Толстой как бы подготавливал своего героя к подвигу под Аустерлицем, уже описанным в ранее законченной части. Он постепенно сталкивал князя Андрея с различными кругами людей, создавал вокруг него такую обстановку, вследствие которой взгляды князя Андрея на войну, на военное дело, высказанные им в первой части романа, постепенно изменялись. Причем среда, в которую попал князь Андрей, и события, в которых ему пришлось участвовать (штаб Кутузова, сражение под Кремсом, встреча с обозом русских раненых по дороге в Брюнн, прием у австрийского императора, лагерные сцены в Грунте, Тушин и, наконец, Шенграбенское сражение) обрисованы в черновых редакциях с большими деталями, местами более подробно, а порою более резко. В черновых вариантах, в отличие от журнального текста и особенно от завершенной редакции, вместо художественных сцен значительно больше повествования от лица автора, слишком явно выступает авторская оценка событий и лиц. К преодолению описательности были направлены усилия автора.

Много раз перерабатывались главы, посвященные князю Андрею и Тушину перед Шенграбенским сражением. Вместо краткого разговора в балагане, вернее лишь отрывочных

фраз о страхе смерти (гл. XVI окончательного текста), услышанных князем Андреем, в черновых вариантах большое место отведено сценам в шалаше и пространным беседам, особенно на темы о бессмертии, в которых принимал участие сам князь Андрей.¹⁷⁸ Подробнее рассказано, как в результате впечатлений на войне изменялось отношение князя Андрея к солдатам. «Несмотря на свое философское воспитание конца 18-го века и несмотря на свою любовь к военному делу, князь Андрей никогда не думал, что в военном деле что-нибудь значат люди, как солдаты и мелкие офицеры, никогда не думал, что от них зависит что-нибудь в военном деле». Такова первоначальная позиция князя Андрея. После Брюнны, вернувшись в армию и объезжая позиции перед Шенграбенским сражением, князь Андрей уже иначе относился к войску, причем особенно сильное впечатление произвел на него разговор с капитаном Тушиным,¹⁷⁹ к мыслям которого о войне и военном деле приблизится постепенно князь Андрей. К этому вел автор своего героя.

Пространнее и с сохранением большого количества деталей и фактических данных изображены канун Шенграбенского сражения и самое сражение. В описании Аустерлиц-

¹⁷⁸ Опубл. т. 13, вар. №№ 35, 43, 45, 46, 59.

¹⁷⁹ Имена Тушина и Тимохина определились не сразу. Первоначально были Ананьев и Брыков; затем Ананьев заменен Тушиным, а Брыков – Тимохиным, Ананьевым и впоследствии опять Тимохиным. При публикации отрывков в т. 13 в некоторых случаях смешаны слои рукописи, и создалась из-за этого путаница имен (см. вар. №№ 45 и 59).

кого сражения упоминался эпизод с батареей Тушина. Теперь же, создав вторую часть и тесно связав капитана Тушина с князем Андреем, Толстой ввел, как один из центральных эпизодов Шенграбенского сражения, батарею Тушина и затем заступничество князя Андрея за Тушина. И в черновом варианте последней главы, закончившемся пока только конспектом, уже содержатся мысли князя Андрея после Шенграбенского сражения: «Я всё могу. Могу найти смысл в этих толпах и мысль» и далее: «Князь Андрей в избе записывает, ему мелькает мысль, что Тушин прав, но он стремится разумом обнять всё».

Дальнейший текст: атака, в которой участвовал и был ранен Николай Ростов, и все окончание второй части – написан почти сразу.

Вторая часть сдана в переписку, и с первых чисел ноября появляются свидетельства Толстого о работе над продолжением романа – над отделкой написанной ранее третьей части. «Весь день хорошо обдумывал много, писал мало», – отметил он в Дневнике 3 ноября.¹⁸⁰ А в письме к А. Е. Берсу, отправленном в те же дни, сообщал: «Я свеж, весел, голова ясна, я работаю – пишу по 5 и 6 часов в день... Дописываю теперь, т. е. переделываю и опять, и опять переделываю свою 3-ю часть. Эта последняя работа отделки очень трудна и требует большого напряжения; но я по прежнему опыту знаю, что в этой работе есть своего рода вершина, которой достиг-

¹⁸⁰ Т. 48, стр. 66.

нув с трудом, уже нельзя остановиться и, не останавливаясь, катишься до конца дела. Я теперь достиг этой вершины и знаю, что теперь хорошо ли, дурно ли, но скоро кончу эту 3-ю часть».¹⁸¹

Исходя из авторской даты второй части: «21 декабря 1865 г.» (она помещена в конце последней главы в апрельской книжке «Русского вестника» за 1866 г.), исследователи полагали, что в ноябре 1865 г. Толстой называл вторую часть «третьей», якобы разумея под «первой» то, что было напечатано в январской книжке «Русского вестника» за 1865 г., то есть главы I—XXVIII первой части, а под «второй» — напечатанное в февральской книжке, то есть главы XXIX—XXXVIII.¹⁸² Вышеприведенные документы с абсолютной точностью доказывают, что все опубликованное в двух книжках «Русского вестника» Толстой считал первой частью. Важным дополнительным свидетельством тому служит листок, на котором Толстой собственноручно наметил распределение текста романа по частям:

¹⁸¹ Т. 61, стр. 111

¹⁸² См. «Толстой и о Толстом», 3, М. 1927, стр. 145; Б. М. Эйхенбаум, «Лев Толстой», кн. вторая, стр. 271; т. 48 наст. изд., стр. 480 — 481; т. 61, стр. 112.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.